

• ИРИНА •

# ГЛЕБОВА



**ПОКА НЕ ПРОБИЛ ЧАС**

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Следователь Викентий Петрусенко

Ирина Глебова

**Пока не пробил час**

«Автор»

2011

**Глебова И. Н.**

Пока не пробил час / И. Н. Глебова — «Автор»,  
2011 — (Следователь Викентий Петрусенко)

Что может быть загадочнее великосветских тайн столичного Петербурга и Москвы начала прошлого века? Только тайны маленьких провинциальных городков – вроде Белополя, в котором развивается действие романа Ирины Глебовой «Пока не пробил час». Следователь по особо опасным делам, потомственный дворянин и огромного ума человек Викентий Петрусенко берется за расследование темного дела: убита местная красавица Любовь Савичева – богатая «веселая вдова», о которой мечтали все мужчины городка, и холостые, и женатые. Подозрение падает на отпрыска знатной фамилии – Юлиана Кокуль-Яснобранского. Но уж слишком ладно шьют дело молодому аристократу... пока его в свои руки не возьмет сыщик Петрусенко! Увлекательный сюжет, яркие и запоминающиеся характеры, психологически достоверная интрига – вот главные черты книг Ирины Глебовой в серии «Интересный детектив»!

© Глебова И. Н., 2011

© Автор, 2011

## Содержание

1	5
2	8
3	14
4	20
5	25
6	31
7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Ирина Глебова

## Пока не пробил час...

### 1

Свора гончих псов неслась по его следу. Беглец мчался так, как никогда до сих пор в своей жизни. От настоящего животного страха у него обострились все чувства. В быстро густеющих сумерках он, например, видел так же ясно, как днем. Мчался через лес, он различал каждый куст, кочку и овражек. И вдруг в какой-то момент понял: собаки уже не лают. Возможно, давно.

Он остановился. Ноги сразу же подкосились, ослабли, дыхание захлебнулось хриплым, свистящим кашлем. Тело словно говорило: «Все, мои силы кончились! Больше не смогу сделать ни шагу!» Но все другие чувства, подвластные разуму, оставались в напряжении. Он чутко ловил лесные звуки, плеск недалекой реки, порывы ветра в высоких кронах. И знал: если надо, тело вновь подчинится, вновь помчит его от погони... Но нет, похоже, опасность и правда миновала. Он с радостью подумал, что обманул, обогнал собак. Да, он молод, силен, умен... Впрочем, собаки могли и сами бросить преследование, вернуться – ведь уже наступает ночь, а они не приспособлены к ночной охоте.

Молодой человек не позволил себе отдыхать долго: отдышался и пошел дальше – осторожно, через лес. Как же ему повезло, что на пути попала неширокая лесная полоса вдоль реки! Ведь эти места – от города Сумы до Белополья – почти безлесные. Степь, буераки да небольшие рощи. Одну такую рощицу он пролетел с ходу в самом начале погони, выскочил на открытое место и понял: здесь-то его и настигнут псы! Но в густеющей мгле различил справа еще более темную густоту и припустил туда. Не ошибся – лес его спас...

Теперь, в сгущающейся темноте, когда опасность как будто миновала, беглец вдруг понял, что перестал видеть. Словно напала куриная слепота! Он шел почти на ощупь, вытянув руки и стараясь все время слышать шум речки справа.

«Хоть бы луна вышла наконец из-за туч», – подумал раздраженно, но тут же невольно улыбнулся. Когда бежал, спасаясь, благодарил бога за безлунное небо. Но теперь-то уже можно было бы! И, словно вняв его просьбе, луна, еще не полная, но яркая, вдруг осветила все вокруг. Молодой человек замер, дрожь прошла по его телу.

– Вот оно! – прошептал. – Материализация мысли!

Он обхватил руками ближайшее дерево и прижался щекой к шершавой коре. Несмотря на недавно пережитый страх, все еще живший в подсознании, на сильное утомление, беглец испытал настоящий экстаз. Он вдруг понял: именно страх и усталость привели его разум в то состояние, которого он не раз пытался добиться, – но не получалось. Освобождение астрального духа – вот что случилось с ним так внезапно, в таком неподходящем месте и времени. А может, наоборот – очень вовремя?

У него закружилась голова, он закрыл глаза и сильнее прижался к стволу. А когда пришел в себя, понял, что состояние мистического откровения и всесилия покинуло его. Что ж, он знал, как непросто его достигнуть, а еще труднее – удержать. Однако, если получилось один раз, будет получаться и дальше. И вот оно, доказательство – луна светит, тучи отступили, путь ясно виден!..

Молодой человек теперь уже уверенно пошел вперед и вскоре очутился на опушке леса. Невдалеке виднелись силуэты изб. Он на миг заколебался: не пойти ли туда? Но нет, это мог быть один из хуторов Голицыных – Порозский или Локонский. И хотя там еще никак не могли знать, что за ним гонятся из имения князя, он все же обошел хутор стороной. Хорошо, что он

знает эти места. Да и как не знать: и у отца, и у матери в округе тоже есть владения – немного дальше, к Белополюю.

Именно туда, к уездному городу под названием Белополюе, он и направлялся. Сейчас, когда так позорно сорвался план, в который он самозабвенно верил, у него еще оставалась одна надежда. Надежда эта – закладная на крупную сумму в Дворянском банке Белополюя. Три месяца назад он встречался с матерью – та явилась из-за границы, чтобы почти сразу же вновь туда отбыть. С гордостью показала ему эту закладную, подписанную отцом.

– Я умею заставить этого мерзкого старого сластолюбца не забывать о моем существовании, – сказала сыну дама, увешанная бриллиантами и укутанная в меха. Стоял апрель, но мадам Кокуль-Яснобранская, прибывшая из Ниццы, мерзла в родных местах. – Мне эти деньги не нужны. Но покоя я ему не дам.

Он не стал даже просить у матери дать ценную бумагу ему, раз ей она не нужна. Знал – это совершенно бесполезно. Мать считала, что обеспечивает сына вполне достаточно, и принципиально не давала больше определенного ни гроша. Была уверена, что предотвращает этим развращение молодого человека. Потому он просто стащил в подходящий момент из кипы других материнских бумаг именно эту закладную. Совесть его не мучила, ведь ничего другого он не тронул, хотя там были и более ценные документы. Но это были деньги отца, и он уверил себя, что имеет на них право. Мать скоро уехала, ничего не заметив. А он так и не решился сразу обналичить закладную: все-таки – первая в жизни кража! Да и не было в тот момент острой нужды в деньгах. Но недели две назад все повернулось так неожиданно и жутко! Спасти его мог только мистический крест! Или деньги – много! Он, конечно, сразу вспомнил о закладной, но... Время прошло, мать, скорее всего, обнаружила пропажу. А уж он-то свою мамашу хорошо знал! Она ни в какой малости не позволяла оставлять себя в дураках! Такого унижения ее шляхетская натура перенести не могла. Потому, скорее всего, она уже сообщила в банк о пропаже, и появляться там с этой бумагой – просто подставлять себя под удар. Хотя в том письме, которое он недавно получил от нее с Ривьеры, о пропавшей закладной даже не упоминалось. Именно это письмо подсказало ему безумный план, который чуть не привел его к гибели или увечью...

Да, там, за границей, на мать иногда накатывала волна любви к сыну. Выливалась она в очередном письме, где та расписывала свою великосветски-интересную жизнь и давала два-три менторских наставления своему «милому мальчику». Такое послание, видимо, сильно утомляло любящую родительницу, и она надолго замолкала. Но в том последнем письме она упомянула о своей кузине, княгине Голицыной, которая вместе с мужем составляет ей компанию на Ривьере. Ах, лучше бы мать ничего ему не писала!..

Беглец вновь вышел к реке. «Это Крыга или Вира, – подумал он. – Белополюе, должно быть, уже недалеко».

Впереди вновь замаячили избы. Это, скорее всего, была одна из пригородных слобод. И тут молодой человек ощутил неимоверную усталость. «Переночую здесь, – решил он. – Так даже лучше. Скажу, что ехал в Белополюе, коляска по дороге сломалась, пошел пешком, заблудился... Крестьяне люди добрые, пустят переночевать. Отдохну как человек – в доме, а не в вонючем и колком стогу. Приведу себя утром в порядок, и – в город...» Он все еще не хотел признаваться даже самому себе, зачем все-таки идет в Белополюе.

Однако, когда он постучал в первую попавшуюся калитку, а во дворе в ответ залаяли псы, его охватила паника, в которой смешались и только что пережитый страх травли-погони, и инстинкт самосохранения. Не думая о том, что дворовые псы, скорее всего, на цепи и, уж во всяком случае, за забором, он припустил со всех ног прочь от жилья. Правда, вскоре перешел на быстрый шаг. И тут только заметил, что нет фуражки. Еще в самом начале погони он сдернул ее с головы и сунул за отворот куртки. Теперь там было пусто. Кажется, на опушке она еще находилась при нем. Значит, выронил на этом хуторе? Или все-таки в лесу? Да и важно ли

это? Фуражка хоть и форменная, но никаких меток на ней нет. Если и подберет какой-нибудь мужик – заберет себе, да и все. И он бросил об этом думать. Сейчас главное – где провести ночь. «Черт с ним, с отдыхом в доме, – думал, не желая признавать, что сплоховал. – Можно и на открытом воздухе переночевать. Лето, тепло...»

Неожиданно он вышел к мосту, и тут, наконец, окончательно узнал местность. Да, это была речка Крыга, а сразу за мостом начинались окраины Белополья. И скоро ему повезло: минут через пятнадцать лавирования по улочкам он вдруг очутился у добротной каменной ограды, за которой стоял большой безмолвный дом с совершенно темными окнами. В лунном свете было видно, что это красивый особняк. Здесь непременно должен быть хороший сад с уютными беседками. Но – собаки! Они тоже могут здесь быть!

Молодой человек подобрал несколько камешков и стал бросать их за забор. Камни то глухо, то звонко ударяли о землю, о стволы деревьев... нет, тишина. Собаки непременно услышали бы эти звуки, подняли бы галдеж. Значит, их здесь нет!

Он был уже на пределе сил. Но молодость и здоровье позволили ему легко преодолеть высокую ограду. Спрыгнув в сад, он несколько минут простоял на корточках, настороженно прислушиваясь. Но все оставалось тихо, спокойно. Тогда, перебежками, от куста к кусту, он стал пробираться к беседке, чей силуэт уже заметил в глубине сада. Как он и предполагал, дверь в беседку не закрывалась, она легко, без скрипа распахнулась перед ним.

«Господи, наконец-то повезло!» – облегченно вздохнул беглец, оглядывая уютную комнату с застекленными окнами, столиком и мягким диванчиком. Диван был коротковат для его высокого роста, но он даже не заметил этого, когда лег, блаженно вытянувшись, и мгновенно уснул.

## 2

В доме у председателя дворянского собрания, отставного полковника Кондратьева, начинался бал в честь именин его жены. Гости уже покидали столовую после обильного угощения, постепенно заполняли большой зал, где играла музыка и танцевали первые пары.

Экипаж исправника Макарова – начальника уездной полиции – только въехал в курдонер – парадный двор. Кондратьевы были одной из самых богатых фамилий в Белополье, и их городской дом был выше всяких похвал. Светло-желтый двухэтажный корпус, мягко закругленный на торцах, казался необъятным. Четыре колонны у центрального входа образовывали красивый портик. Строгие линии здания смягчали лепные гирлянды и вазы в глубоких нишах. Слева и справа, чуть выступая вперед, расположились два небольших изящных флигеля. Макаров знал, что один из них – библиотека, другой – домик для гостей. Исправник быстро взбежал на высокое мраморное крыльцо, швейцар распахнул перед ним дверь, склонившись. Следом за Макаровым несли большую корзину прекрасных роз – белых, розовых и алых.

– Анатолий Викторович! – Полковник Кондратьев стоял наверху парадной лестницы, раскинув руки. – Наконец-то! Ираидочка, иди сюда, сейчас тебя будет поздравлять самый красивый мужчина города!

Из приоткрытой двери залы выпорхнули вслед за хозяйкой всплески смеха и такты веселой музыки. А она и в самом деле выпорхнула – изящная миниатюрная женщина, миловидная, с молодыми блестящими глазами. Никто и никогда не дал бы ей ее сорока пяти лет. Муж по этому поводу с армейским грубоватым юмором шутил: «Маленькая собачка – всегда шенок!» А в мужской компании вместо «собачка» он говорил другое слово, раскатисто хохоча. Но все знали, что это так, ради красного словца, а вовсе не для того, чтобы обидеть жену. Упаси боже! Свою Ираидочку полковник обожал и, насколько знали его приятели, никогда ей не изменял.

Макаров поставил к ногам именинницы корзину с розами и расцеловал ее в обе щеки. По-родственному. Его с Кондратьевым в самом деле связывали родственные узы: они с полковником были женаты на двоюродных сестрах. Глядя на веселое, восторженное лицо Ираиды Артемьевны, Анатолий Викторович невольно подумал: «Наденька – копия матери! И через много лет она останется такой же веселой, милой и молодой...» Наденька была дочерью Кондратьевых.

– Анатолий! – Полковник подхватил его под руку и повлек в сторону банкетной залы. – Ты опоздал к общему столу...

– Прости, Сергей Сергеевич, служба, дела. Рвался изо всех сил!

– Я не упрекаю тебя, говорю только, что я все предусмотрел. У меня для опоздавших гостей отдельный столик накрыт.

В уютном уголке банкетной залы стоял небольшой, сервированный закусками и вином стол. Пока Кондратьев и Макаров выпивали по первой рюмочке, два расторопных лакея уже принесли блюдо с дичью, запеченной в яблоках с черносливовым соусом, – прямо из духовки. С полчасца мужчины выпивали, закусывали и приятно беседовали. Наконец Анатолий Викторович вытер пальцы крахмальной салфеткой и решительно встал.

– Пора и к дамам. Вера меня уже небось заждалась.

– Не думаю, что твоя жена скучает! – засмеялся полковник. – Такой очаровательной женщине кавалеры не дадут пропустить ни один танец. Да и она, насколько я знаю, не отказывается.

– Да, – согласился Макаров. – Верочка очень любит танцевать.

– Вот за что люблю вас! – Кондратьев обнял Анатолия за плечи. – За то, что вы с Верой так дружны! Не только любите друг друга, но и уважаете личность. Ни ревности, ни подозрений, всегда так внимательны друг к другу и, в то же время, в своих поступках вольны. Я бы сказал – вы идеальная супружеская пара!



– Вот именно... пара, – повторил Макаров с внезапно пробившейся горечью.

Кондратьев сразу же понял, что тот имеет в виду.

– Это, конечно, печально, что у вас нет детей... Но, Анатолий! Вы ведь еще молоды! Тебе сколько? Тридцать пять? А Верочка моложе...

– Всего на год.

– Ну так это еще не возраст! Еще, бог даст, и ребятишки пойдут...

Тут они распахнули двери бальной залы и попали на самые первые такты вальса. Макаров сразу увидел свою Веру в объятиях, правда очень корректных, фабриканта Матвеева. Когда-то предок его, коллежский асессор, построил суконную фабрику, сколотил на ней свой первый капитал. Теперь же Матвеев владел и сахарозаводом, и паровыми мельницами, и маслобойнями... Впрочем, все нынешние гости если и не были миллионщиками, то занимали значительные должности в городе. Вот как он сам. Макаров с усмешкой подумал, что, возможно, он один из самых скромных по достатку людей в этой зале. Но зато – власть, да еще какая! И к тому же родня хозяину.

Жена увидела его и, кружась в туре, махнула издалека рукой. Он улыбнулся ей и оглянулся вокруг. Недалеко, у колонны, обмахиваясь веером, в окружении кавалеров стояла Любовь Лаврентьевна Савичева. Но полное имя совершенно не подходило такой женщине. Она, конечно же, была просто Любочкой – яркой, испанского типа, красавицей. Судя по всем подсчетам, ей уже должно было исполниться тридцать, а то и немного больше, но она была такой игривой, зажигательной, молодой! Да и кто стал бы считать годы такой женщины? За глаза Любовь Лаврентьевну называли «веселой вдовой». Она и вправду была вдова и, на удивление многим, честно выдержала год траура. Но вот уже несколько месяцев веселилась, не пропуская ни одного праздника, словно торопилась наверстать упущенное.

Макаров встретился взглядом с женщиной, улыбнулся и направился к ней. Ну конечно же, Любочка отклоняла все приглашения, потому что увидела его. И ждала. Она знала, что Анатолий Макаров – лучший кавалер в городе. Сама же она тоже была прекрасной партнершей в танцах. Когда в середине залы две пары встретились – Анатолий с Любовью и Вера с Матвеевым, – Вера приветливо улыбнулась им. А Любочка послала подруге воздушный поцелуй. А потом сказала Макарову:

– Ах, Анатолий Викторович, вам так идет штатское! Впрочем, как и мундир.

– Спасибо, Любовь Лаврентьевна, я тронут!

И они весело рассмеялись. Потому что смешно им было называть друг друга официально – по имени-отчеству. Ведь семьи их дружили уже много лет.

Покойный муж Любви – Владимир Савичев – владел богатыми угодьями в здешней губернии. Он был постарше Анатолия Макарова, но они вместе служили в кавалерии и, как земляки, крепко дружили. Савичев рано вышел в отставку, чтобы принять наследное поместье. Скоро его избрали гласным – депутатом в уездное земское собрание, и он охотно занимался и общественной, и благотворительной деятельностью. А Макарова, по его желанию, перевели в полицейский департамент, и скоро он тоже вернулся в родное Белополье, чтобы взять под свое крыло всю полицейскую службу: правительство назначило его исправником. Друзья встретились вновь, дружба возобновилась и особенно укрепилась, когда оба обзавелись семьями. Макаров женился первым – Вера была его нареченной невестой с юных лет. Савичев же из одной своей поездки в Киев вернулся с красивой женой – влюбился в артистку драматического театра и сразу женился. Вера и Любочка тоже подружились. А больше года назад Владимир начал болеть. Врачи признали у него большую печень, лечили, но там уже начались какие-то необратимые процессы. Здоровый, по сути, мужчина сгорел меньше чем за полгода. Внезапно овдовев, Любочка поначалу сильно горевала. В тот период она особенно привязалась к Макаровым. Вера поддерживала ее и опекала во всем. Они стали такими близкими подругами

– неразлейвода! Анатолий подозревал, что особенно сближает женщин то, что у обеих нету детей.

Следующий танец Макаров танцевал с женой. Спросил:

– А где же Надя, что-то я ее не вижу? Неужели нашлись более важные дела, чем именины матери?

– Нет-нет, она здесь, – ответила Вера. – Наверное, вышла в сад с молодежью.

– Наверняка и молодые люди среди них есть! – засмеялся Анатолий.

– А что же ты хочешь, девушка на выданье – девятнадцать лет. А как хороша! Вот молодые люди и роятся вокруг нее. Да и не только молодые...

Макаров, подчиняясь музыке и законам танца, пропустил жену под вытянутую руку, быстро-быстро закружил и ловко поймал в объятия – раскрасневшуюся, смеющуюся:

– Ах, Анатолий!

Легко тронул губами ее ладонь, опустившуюся ему на плечо, и повел дальше. Танцор он был отменный. И лишь потом продолжил:

– Да, Наденька Кондратьева красивая девушка. Но ведь и приданое каково!.. А это тоже, знаешь, привлекает, как мух на мед.

Вера пожала плечами.

– Среди ее друзей и поклонников бедностью что-то не пахнет. Уж во всяком случае – на сегодняшнем празднике. Если кто-то и ухаживает за Надюшей, то исключительно из-за нее самой.

Танец кончился. Макаров подвел жену к Любочке, извинился:

– Пойду покурю.

И направился в сад. Уже сгущались сумерки, но всю территорию вокруг дома освещали высокие красивые фонари. Их блеск словно удваивался, отражаясь в чистой воде пруда. Пруд был большой, капитальный, с каменной кладкой вдоль причудливо изогнутых берегов, по нему было разбросано несколько чудных островков и плавали редкие белошекие казарки, привезенные откуда-то из Германии. На другом берегу пруда стояла ярко освещенная беседка-сцена, откуда тоже доносилась музыка. Не такая, как в доме, где гремел оркестр и продолжались танцы. Здесь играли тихо, для настроения – пианино, скрипка, альт и гобой. Вокруг столиков под деревьями толпились мужчины и женщины, многие прогуливались по каштановой аллее, по песчаным дорожкам среди клумб.

– Анатолий Викторович! – окликнули Макарова. – Составьте компанию!

Он подошел к небольшой группе мужчин. Здесь был председатель земской управы, два брата Федоровых – зажиточные местные помещики – и отставной армейский капитан Селецкий, владеющий нынче городской типографией и издающий газету «Белопольский вестник».

– Американское зерно заполняет европейский рынок, и с этим ничего не поделаешь, – говорил Селецкий с апломбом, видимо продолжая начатый спор. – Цены падают, только крепкие помещичьи хозяйства могут этому противостоять.

– Ты, Петр Трофимович, как всегда, преувеличиваешь американскую опасность! – похлопал издателя по плечу один из братьев. – Мы, например, вовсе этой напасти не ощущаем. Особенно в прошлом и нынешнем году.

– Да, – подхватил второй, помоложе, – какие два урожайных года подряд, небывалые! И пшеница, и рожь, и ячмень – и Украину, и Россию обеспечим, по своей цене. Где той Америке!

– А вы что скажете, господин Макаров? – повернулся к нему Селецкий, словно за поддержкой.

Анатолий Викторович пожал плечами, делая затяжку, потом ответил:

– Насчет американского зерна ничего не знаю. А вот что хорошая, сытая жизнь утихомиривает людскую кровожадность – это точно. Как полицейский могу отметить, что случаи

терроризма по всей стране за два последних года уменьшились. Значит, высокий урожай и мирная жизнь тесно связаны.

– Верно, дорогой наш исправник! – подхватил председатель управы. – А вот еще скоро запустим завод сельхозмашин, который строит у нас германская фирма «Классен Фрезе и Дик», да дадим крестьянским хозяйствам технику – никакие Америки нам не будут страшны как конкуренты!

– Если, конечно, не развалим крестьянскую общину, – скептически вставил старший Федоров.

– Прошу прощения! – Макаров помахал рукой и быстро пошел навстречу мировому судье. Ему вовсе не хотелось ввязываться в спор о крестьянских общинах. В какую компанию ни попади, везде всплывает эта навязчивая тема. Указ об освобождении крестьян от власти общин более трех лет назад принят, а все спорят о нем, спорят... Слава богу, хоть мировой судья от этой темы далек – жизнерадостный, упитанный вдовец, женолюб. А с ним – депутат земского собрания, местный дворянин Фрол Багреев. Тоже гуляка не приведи бог...

– Что же вы, Анатолий Викторович, не танцуете? – пошутил мировой судья. – Лишили наших дам лучшего кавалера!

– Все впереди, – засмеялся Макаров. – Да и дамское общество, знаете ли, утомляет.

– Не скажите! Видел вас в танце с Любовью Лаврентьевной – прекрасно смотрите вместе. Опекаете ее?

– Да, мы дружим, – сухо ватно ответил исправник, словно ставя судью на место.

– Знаю, знаю! – весело махнул тот рукой, совсем не обидевшись, а может, и не заметив холодного тона собеседника. – Вы с Савичевым большими были друзьями. И жена ваша с нашей «веселой вдовой» подруги. Вот и посодествовали бы мне, свели бы покороче с Любовью Лаврентьевной.

Макаров несколько растерялся:

– Шутить изволите?

– Отчего же!

Судья посмотрел на исправника пристально и насмешливо, потом в глазах его появился азартный блеск.

– Вы, молодые красавчики, считаете нас никуда не годными стариками. А ведь вышла Любовь Лаврентьевна в свое время замуж за Савичева. А мы с ним, между прочим, почти ровесники, да и тезки к тому же. Я вдовец, она вдова – глядишь, и сойдемся.

Фрол Багреев гомерически захохотал:

– Да уж вы, Владимир Васильевич, не прибедняйтесь! Зачем вам посредник? Видел я, как ловко вы подъезжаете к «веселой вдове», а она прямо млеет, слушая вас. Может, вы и есть тот самый загадочный любовник?

– Какой любовник?

Макаров растерянно переводил взгляд с Багреева на судью.

– О чем речь? – подошел, пыхтя сигарой, фабрикант Матвеев.

– Да вот, – Багреев все не мог унять своего веселья. – Наш исправник впервые слышит, что у госпожи Савичевой есть любовник.

– Ну-у, это ведь только предположение, – философски заметил Матвеев.

– Да об этом все говорят! – настаивал Фрол. – Вот только неизвестно, кто он, этот счастливчик.

Исправник с облегчением махнул рукой:

– Слухи, только лишь слухи!

– Однако не безосновательные, – поднял вверх палец Матвеев. – Молодая, красивая женщина, грустила после смерти мужа, и вдруг вмиг ожила, расцвела, еле дождалась окончания траура...

– Это верно, – согласился судья. – Я тоже заметил. И потом – она перебралась в свой дом на окраине, почти загородный. Такое уединенное место, удобное для свиданий.

– Не знаю, не знаю, – постарался защитить подругу жены Макаров. – Она уверяет, что любит природу, уединение...

– Уединение вдвоем, – опять хохотнул Багреев. – Есть ведь в центре города чудесный особняк. Нет, там ей неудобно, уединения не хватает!

– Да ладно тебе, Фрол, – поморщился Матвеев. – Любовь Лаврентьевна женщина свободная, вольная в своем сердце и выборе. А если кто и завелся у нее – немудрено, первая красавица в городе!

– Уж не положил ли ты на нее глаз?

– Положил, признаюсь. Даже думаю: не посвататься ли?

Макаров покачал головой:

– Знала бы Любовь Лаврентьевна, как мы ее тут обсуждаем! И какие женихи у нее намечаются...

– Все городские невесты будут в трауре! – подхватил Багреев.

Фабрикант Матвеев и в самом деле считался одним из самых завидных женихов. Еще молод – слегка за сорок, холостяк, приятной внешности, образован. И – миллионщик!

Матвеев изящным движением руки остановил пробегающего мимо лакея с подносом, взял бокал, отхлебнул.

– Не буду терять времени, – сказал игриво. – Пойду приглашу «веселую вдову» на танец.

Он и правда пошел к дому, и тут Макаров наконец-то увидел Надю Кондратьеву. Она вышла из павильона, болтая с тремя молодыми людьми. Анатолий Викторович ревниво окинул взглядом окружение двоюродной племянницы.

«Сын предводителя дворянства, – отметил он, – и сын президента Крестьянского банка... Это еще куда ни шло. А этот – юный статистик, – и он туда же!»

В земскую управу недавно был назначен статистиком молодой инженер из Харькова. Простой служащий, а увивается около самой богатой невесты в городе. И ведь закружит девчонке голову своими стишками... Статистик и правда писал лирические стихи и публиковал их в городской газете. Макаров видел, что он не сводит глаз с Наденьки. Впрочем, это можно понять: трудно не влюбиться в такую девушку!

Надя посмотрела в сторону мужчин, подпрыгнула и замахала обеими руками:

– Дядя Анатолий!

Не раздумывая, бросила своих спутников и легко помчалась к нему. «Невесомая, как бабочка, – успел подумать Макаров. – Почти не касается земли...»

Девушка подбежала и обхватила руками его шею.

– Здравствуй, милая! – он тоже обнял ее, поцеловал в щечку. – Рад тебя видеть.

– Пойдемте танцевать, дядя! Вы ведь танцуете лучше всех, а меня все никак не приглашаете!

– Да я тебя и не видел даже. – Макаров кивнул собеседникам. – Простите, уведят!..

– Наденька! – Матвеев шутливо протянул к ней руки. – Возьмите меня!

– Нет, нет! – Девушка весело помахала кудрявой головкой. – Только моего любимого дядюшку!

Играли легкую полечку, и Макаров с Надей быстро вошли в круг и закружились, то сходясь, то вновь сходясь. Обхватывая девушку за талию при быстрых пробежках, мимолетно касаясь то бедра, то плеча при поворотах, Анатолий ощущал, как разливается в крови жар и быстрее начинает биться сердце. Наденька была невысокой и хрупкой, но все же не такой миниатюрной, как мать. Ладонь Макарова помнила крутой изгиб ее упругого бедра и горела от этого воспоминания. Глаза не могли наглядеться на изящные повороты ее шейки, на пушистые локоны, обрамляющие девичьи щеки и ничуть не скрывающие маленькие ушки. Странно

и печально было осознавать, что для этой девятнадцатилетней девушки он, тридцатипятилетний, – не мужчина, а просто «дядя»...

Танцуя с Надей, Анатолий Викторович ловил на себе взгляды то Веры, то Любви Савичевой. Они тоже танцевали – каждая со своим кавалером. И, встречаясь глазами то с женой, то с подругой, он улыбался им.

Кончилась полечка, и Надю тут же вновь окружили молодые люди.

Разъезжались уже за полночь. Макаровы садились в свой экипаж, Вера озабоченно спросила:

– Кто же провожает Любу?

– Не беспокойся, претендентов предостаточно, – ответил Анатолий, кивая.

И верно: около открытой коляски Савичевой стояло несколько мужчин. Вера озабоченно покачала головой:

– Все-таки напрасно Люба решила жить в дачном доме, а не в городском. Мне было бы страшно.

– Она отважная женщина.

Макаров сел рядом с женой, бросил кучеру:

– Трогай!

У экипажа Любви Лаврентьевны мировой судья и Матвеев напрашивались ей в провожатые.

– Выбирайте, Кармен! – патетически воскликнул судья.

– Кто же из нас Хозе, а кто – Эскамильо? – томно протянул Матвеев.

Грациозная и очень женственная, Любовь Лаврентьевна и в самом деле напоминала опереточную испанку: смуглая кожа, влажные сливовые глаза, белозубая улыбка и копна темных выющихся волос, уложенных в небрежно-изысканную прическу. Она засмеялась дразнящим, волнующим смехом.

– Владимир Васильевич, Аркадий Петрович, вы оба мне так симпатичны! Не могу выбрать! Провожайте меня оба!

Подхватила мужчин под руки, села в свой экипаж между ними. И в сторону городской окраины двинулся целый кортеж: Савичева с кавалерами, и следом – экипажи судьи и Матвеева.

## 3

Юлик проснулся от того, что солнце било ему прямо в глаза. Он лежал на боку, поджав колени к груди. Не потому, что замерз – нет, было тепло, – а просто привык так спать с самого детства. Открыл глаза и тут же зажмурился. Ему показалось, что уже середина дня, и он, еще не понимая, откуда этот панический страх, вскочил на ноги. Беседка, мягкий диванчик... Да, он вспомнил: бегство, собачья травля... Слава богу, он один, никто не нашел его, не наткнулся случайно. И, похоже, ночное происшествие благополучно завершилось. Никто никогда не узнает, что именно за ним гнались от имения князей Голицыных. Он ведь и убегал не столько из-за боязни ответственности, сколько от позора. Еще бы: отпрыск старинного рода, и – вор! Но молодой человек тут же признался себе, что самый обычный животный страх тоже гнал его – как зайца на охоте.

Окончательно придя в себя, Юлик понял, что еще очень рано. Солнце только-только вышло из-за горизонта, было необыкновенно ярким, а безоблачное небо вокруг окрашивалось в розово-пурпурные цвета. Дом и беседка, видимо, стояли на возвышенности, к открытой восточной стороне. Очень осторожно молодой человек приоткрыл дверь, выглянул. В саду было тихо, спокойно. Ни единой души. Только какие-то птички прыгали по веткам. Он было вздрогнул от резкого звука и движения, но тут же увидел, что это хохлатый удод порхнул с верхушки высокого тополя.

Юлик вернулся в беседку, поискал фуражку. Не нашел и только теперь припомнил: кажется, он выронил ее во время бегства. Черт возьми! Только теперь он окончательно пришел в себя и осознал случившееся и то, что ждет его впереди. Деньги, теперь ему нужны деньги, и много! Потому что план добычи драгоценной реликвии провалился. Хорошо, удалось избежать последствий. Избежать в прямом и переносном смысле!.. Юлик усмехнулся: даже теперь он не потерял чувства юмора и способности каламбурить! Что ж, это хорошо. Однако...

Значит, сейчас он находится в Белополье. Именно здесь, в Дворянском банке, заявлена подписанная отцом закладная. Денег, полученных по ней, ему бы хватило на все. Но ведь может получиться то же самое, что и с попыткой проникнуть в имение князей Голицыных, – полный позорный провал. Его схватят за руку, как обыкновенного воришку! И все же другого выхода нет. Он попытается... В конце концов, закладная отца, а взял он ее, пусть и без спроса, не у кого-нибудь, а у родной матери. Так что, коль эта попытка провалится, общественное мнение не должно быть слишком к нему сурово.

Он достал из кармана тужурки расческу, с трудом расчесал спутанные густые волосы. Тщательно отряхнул брюки, застегнул на куртке все пуговицы. Не мешало бы умыться, но негде. Впрочем, выглядит он как будто прилично. Студент на летних каникулах... «Вечный студент-шалопай», как называла его мать.

Надо было незаметно уйти из сада. А то ведь, подумал он, скоро здесь может появиться прислуга: садовник, конюх... Он хотел вновь перелезть через стену, но увидел в другом конце распахнутые настежь ворота. И – никого, тот же безмолвный покой. Юлик решил рискнуть. Нужно было пройти мимо дома. Окна оставались темными, тихими. А входная дверь почему-то слегка приоткрыта. И – ни души, ни движения.

Молодой человек в нерешительности остановился. Пришла шальная мысль: «А вдруг это тот самый шанс?» Разум и инстинкт самосохранения все еще держали его: «Не делай этого, не надо!» Но азарт подталкивал: «Два раза на одном и том же осечки не бывает. Ты помнишь, как ночью твое желание материализовалось? Ты хотел пробраться в пустой особняк? Первый раз не получилось, но теперь ты знаешь свою силу. Может, не просто случай привел тебя к этому дому. Это твоя вторая попытка, и она удалась!..»

Приоткрытая дверь словно уговаривала войти... «И, в конце концов, – подумал он, – я всегда могу сказать, что заблудился, хотел расспросить хозяев...» И, еще раз быстро оглянувшись, Юлик взбежал на крыльцо и шире приоткрыл дверь. Она даже не скрипнула.

Просторная прихожая, куда он попал, была устлана густым красивым ковром – зеленым с черными разводами. В двух высоких стенных зеркалах – справа и слева – отразилась фигура молодого человека: кошачья грация и настороженность. Ковер скрадывал звуки его шагов, но и без того было очевидно, что дом пуст, – здесь царило полное безмолвие. Одна дверь вела в маленькую зимнюю оранжерею, вторая – в библиотеку. Еще одна оказалась дверью ванной комнаты.

«Вот теперь я умоюсь», – внезапно решил Юлик. Когда струя воды зазвенела о полированный камень раковины, он вздрогнул, замер. Но звук, похоже, никого не пробудил к жизни. И молодой человек теперь совершенно уверился, что в доме пусто. Бравируя перед самим собой, он снял студенческую куртку, закатал рукава рубашки и хорошенько умылся с пахучим мылом, а потом с удовольствием обтерся большим мягким полотенцем. Ах, наконец-то он себя почувствовал бодрым, обновленным! И совершенно уверился – его желание сбудется, осуществится! Нужно идти на второй этаж – там должны быть комнаты хозяев. Судя по разным мелочам, в доме живет женщина. В ее будуаре наверняка есть шкатулка с драгоценностями. А в кабинете хозяина – сейф... О том, что драгоценностей может не оказаться, а сейф – не открыться, Юлик старался не думать. Как и о том, куда же подевались хозяева пустого незапертого дома. Он сейчас концентрировал всю свою энергию для высвобождения астрального духа.

Первая же комната, куда он заглянул, явно походила на женские апартаменты. А там, за плотной бархатной портьерой, – конечно же будуар. Юлик уже совершенно безбоязненно раздвинул портьеры и в нетерпении шагнул вперед. И сразу же увидел мертвую женщину – на полу, у самых своих ног.

Он не вскрикнул, не отпрянул в сторону. Просто застыл, замер. И, как замороженный, не мог отвести взгляда от умершей. То, что она мертва, было понятно сразу. Ее шею перехватывал скрученный жгутом шелковый платок или шарф. Легкий розовый пеньюар обнажал плечи, потому хорошо было видно, как туго затянута самодельная удавка, как сильно впивается она в тело. Лицо женщины искажали гримаса боли и спазмы удушья. И все же Юлик невольно прошептал:

– Какая красивая...

От звука собственного голоса он содрогнулся всем телом и словно очнулся. Только теперь ему стало жутко – и от увиденного, и от царящей вокруг тишины. Он затравленно оглянулся: показалось, что сейчас захлопают двери, забегают люди, его схватят, заломят руки. «Это ты убил ее, негодяй!..» Но все было так же тихо, спокойно, безжизненно. Безжизненно, как эта несчастная женщина.

Он постоял еще немного, приложив ладонь к глазам, потом решительно тряхнул головой и быстро вышел. Прикрыл дверь злосчастной комнаты и бесшумно сбежал вниз по ковровой дорожке. И только когда далеко отошел от этого тихого, мертвого дома, позволил себе остановиться и подумать о том, что же делать дальше.

Может быть, следует пойти в полицейскую управу и сообщить о страшной находке в пустом доме? Юлик некоторое время колебался. Наверное, это было бы правильно, но... Ведь придется объяснять, зачем он вошел в дом, стал ходить по комнатам... А вдруг из имени Голицыных уже сообщили о попытке грабежа? Может, даже описали его приметы – ведь его видели! И тогда окажется легко сделать вывод: этот дом он тоже хотел ограбить. Нет, подобного поворота он не может допустить! Это же – тюрьма... Какой ужас! Нет, нет! – решительно сказал себе молодой человек. Сам он в ловушку не полезет. Женщине помочь уже ничем нельзя, а найти ее найдут и без его помощи – раньше или позже. Значит, нужно обо всем забыть и делать то, что решил, – идти в банк и пытаться получить деньги по закладной.

Только он подумал об этой злосчастной закладной, как ему вновь стало тоскливо. И обидно: то, что он принял за озарение, оказалось обманом. Его желание, его концентрация мысли не сумели материализоваться.

Юлик вздрогнул: что это? Не может быть! Перед глазами ясно возникла картина, которую он видел несколько минут назад. Убитая женщина на полу, ее правая рука не видна, завернута за спину. Левая отброшена в сторону, на пальце – массивное золотое кольцо с крупным, играющим гранями бриллиантом. На другом – перстень с рубином в обрамлении мелких бриллиантов. А на обнаженном запястье извивается серебряная змейка браслета и тоже горит-переливается бриллиантовой россыпью... Почему же он не увидел все эти драгоценности сразу там, в той комнате? Нет, конечно же, он их видел, иначе как бы смог вспомнить сейчас? Но в тот момент сознание было потрясено страшным зрелищем и как бы затуманено. И могло воспринимать только главное, все остальное фиксировалось в подсознании...

За долгие годы бесконечного студенчества Юлику как-то довелось прослушать, недолго, правда, и курс психологии. Потому он и мог объяснить себе то, что произошло. Однако больше всего его взволновало другое: все-таки его мысль материализовалась! Ведь именно женские украшения, драгоценные металлы и камни мечтал он найти в незнакомом доме. И вот же тебе – пожалуйста: золото, серебро, бриллианты! Ему хватило бы рассчитаться за все. Без закладной. Какое счастье, он сумел материализовать мысль, вот уже не в первый раз! Он набирается мистической силы, и скоро его ничто не устрасит в этом мире! Но чтоб дожить до этого, нужны деньги...

«Вернуться в дом? – подумал Юлик. – Но ведь это мародерство!» Его снова пробила дрожь, закружилась голова, и подступила тошнота. Господи, он, человек шляхетских кровей, не может опуститься до такой низости... Но Юлик уже знал, уже понял, что вернется туда, к мертвой незнакомке.

Он не рискнул пройти через ворота: вдруг уже кто-то из слуг возится во дворе? А если и в доме тоже? Если уже нашли убитую?.. Он думал об этом, возвращаясь пустынной улицей к высокой каменной ограде, к дому, от которого совсем недавно бежал. Думал об этом и сам не знал: хочет ли застать дом таким же безмолвным или хочет, чтоб там уже были люди. Тогда не нужно будет заходить, подниматься по ступенькам, вновь видеть ту комнату, мертвую женщину на полу, не нужно будет к ней прикасаться!.. Но дом, похоже, был все так же тих и пуст. Значит, решение все же принимать ему самому... И Юлик легко, по-спортивно, перескочил через стену, быстро пробежал через сад и нырнул, как в омут, в приоткрытую дверь. Он сказал себе: «Раз решил, делай не раздумывая!»

Подчиняясь собственному приказу, он быстро взбежал вверх по уже знакомой лестнице. Знал: если хоть на минутку остановится, задумается – решимость покинет его, ноги сами повернут и понесут прочь. Вот она, дверь в комнату – открывай рывком! Пять судорожных шагов, и ты – у бархатной портьеры. Раздвинь ее сразу, не мешкай! Не закрывай глаза, ты ведь уже видел эту женщину! Просто не смотри ей в лицо, быстро нагнись и сними кольца и браслет с ее рук – теперь они ей не нужны. Они нужны тебе!

До сих пор молодой человек делал все так, как приказывал себе. Но как только его пальцы коснулись руки убитой, он вскрикнул. Рука была холодная. Это был совершенно потусторонний холод – ничто земное не могло бы сравниться с ним: ни лед, ни железо. И даже определение «могильный холод» не подошло бы: могила, она ведь тоже земная... Этот холод обжег его мистической жутью. Рука с деревянным стуком упала на пол, а Юлик мгновенно оказался за дверью комнаты.

Совершить поступок мысленно, в воображении иногда так легко! Почему же совершить его наяву оказывается совершенно невозможно?.. Юлик стоял у двери, тяжело дышал, покрытый горячей нервной испариной. Он не мог вновь войти в комнату, но... и не уходил. Он сам не



знал, как поступит. Блеск бриллиантов манил, но рука, коснувшаяся мертвого тела, оледенела и, казалось, отмерла. Минуты шли...

И вдруг раздался мелодичный звук. В тишине он громыхнул набатом. И лишь через несколько секунд Юлик понял: это звенит дверной колокольчик. Значит, сейчас кто-то войдет в дом, увидит его!

Он рванулся к лестнице, но тут же испуганно отпрянул. А вдруг посетитель уже вошел в дом? Нет, через первый этаж теперь не уйти! Нужно попробовать отсюда, из окна!

Рама распахнулась легко, без стука. Это был восточный фасад дома, выходивший в ту часть сада, где стояла беседка и высилась стена, через которую он перелез. Там никого не было: тот, кто звонил, все еще находился у входа, во всяком случае на первом этаже. Ниже окна, вдоль всей стены, шел широкий карниз, а под самым окном тянулась усаженная цветами длинная клумба.

«Совсем невысоко», – подумал Юлик. Впрочем, выбирать не приходилось. Он ступил на карниз, глубоко вдохнул и прыгнул... Тут же вскочил и помчался через сад к знакомой стене. Он не оглядывался и не видел, что на газоне остались две глубокие вмятины от его ботинок. И что из-за угла дома вослед ему растерянно смотрит какая-то женщина...

На этот раз он ушел дальше, чем в первый свой побег из мертвого дома. На каком-то бульваре остановился, присел на скамейку. Отдышался, осмотрелся. И понял, что находится в самом центре города. Он ведь уже пару раз бывал в Белопожье – давно, в юности. Но в памяти осталась просторная городская площадь, куда выводил этот бульвар, красивые особняки вокруг нее... По всей видимости, Дворянский банк должен быть где-то близко.

«Вот и хорошо, – подумал Юлик решительно. – Пора заканчивать приключение. Пойду в банк, предъявлю закладную – и будь что будет!»

Во всяком случае, ничего другого ему не оставалось. Но он знал одно: даже если по заявлению матери деньги ему выдать откажутся, шума по этому поводу никто поднимать не станет. Мать никогда не любила скандалов. А он, так или иначе, сразу уберется из Белопожья. Подальше! Очень уж несчастливой оказалась для него эта местность.

Дворянский банк и в самом деле оказался здесь же, на площади. Однако окна, забранные красивыми коваными решетками, были плотно задернуты шторами, двери наглухо закрыты. И тут часы на высокой башне соседнего здания стали отбивать время. Семь часов утра. А столько уже всего произошло, что Юлик совсем забыл – еще очень рано! Он вернулся на бульвар, на ту же скамейку. Отсюда ему видна площадь, здесь он дождется открытия банка...

Юлик вздрогнул и вскинул голову. Бог мой, он, кажется, задремал! Но, наверное, совсем ненадолго, потому что бульвар по-прежнему безлюден, и центральная площадь пуста. Скоро наступит рабочее время, потянутся на службу чиновники, захлопают, открываясь, двери и ставни магазинов, мастерских, побегут посыльные. И откроется банк.

Вновь стали бить часы. Юлик насчитал девять ударов и не поверил себе. Как же так! В это время уже должна кипеть будничная деловая жизнь города! Он быстро прошел на площадь – да, верно, девять часов, а банк закрыт, и людей вокруг почти нет... Ну конечно! Он даже хлопнул себя по лбу: за всеми треволнениями он совершенно выпустил из виду – сегодня же воскресенье!

Еще одно невезение! Верно говорит пословица: беда не ходит одна. Это что же, еще сутки торчать в этом городишке?

Машинально молодой человек вернулся на уже облюбованную им скамейку. Постарался взять себя в руки: ничего не поделаешь – воскресенье есть воскресенье. И, если спокойно подумать, в конце концов, ничего страшного не происходит. Досадно, конечно, что придется задержаться, но ведь он обычный человек, никто никаких претензий ему предъявить не может. Из имения Голицыных он благополучно удрал, в доме убитой его никто не видел – да и вообще

он к этому отношения не имеет. Дождется завтра открытия банка, решит свое дело... Вот только чем заняться?

Одновременно стали бить колокола двух или трех церквей. В солнечном теплом воздухе красиво плыл их перезвон. У Юлика даже мелькнула мысль: «Пойти в храм...» Но он тут же помотал головой. Нет, на воскресную службу сходитесь постоянное общество, все друг друга знают. Он, пришелец, сразу обратит на себя внимание. Это ни к чему. А вот куда он пойдет, так это на рынок. Перекусит там в каком-нибудь трактире или кофейне.

Уже на подходе к рыночной площади молодой человек услышал звуки музыки, зазывные крики и понял, что попал прямо на воскресную ярмарку. И верно: здесь уже кружилась карусель с лошадами, саними, лебедями, продавали билеты у входа в цирк шапито, шустрый малый зазывал публику в павильончик, где показывали «живые картинки из любовной жизни господ». А вокруг стояли телеги с наваленными доверху арбузами, дынями, помидорами, кочанами капусты... Молодки, одна пышнее другой, наперебой предлагали горячие пироги с творогом, маком, яблоками, капустой, яйцом. Дымились самовары... Юлик вкусно и дешево поел и совсем повеселел. Он купил пачку папирос и присел на одной из многочисленных лавок, с наслаждением закуривая. Рядом тут же примостился какой-то дедок, свертывая самокрутку. Юлик чиркнул спичкой, давая ему прикурить, и дед после первой затяжки и натужного откашливания спросил:

– Чи ты приезжий, хлопец? Штой-то я тебя раньше не бачив.

У старика были любопытные, но очень доброжелательные глаза, и Юлик, истосковавшийся по простому общению, сам не заметил, как рассказал, что родом он из этих мест, что в городе давно не был, а сейчас вот проездом. Да вот – попал в выходной день, нужная ему контора откроется только завтра, приходится ждать.

– Где ж ты ночевать будешь? – спросил дед.

– В гостинице, наверное, – пожал плечами Юлик. У него было при себе немного денег, и он в самом деле думал попозже, под вечер, найти недорогой ночлег.

– А то давай ко мне, – предложил вдруг дед. – Мы с бабкой одни живем, скучно. А ты хлопчик образованный, расскажешь нам про науку и разные страны. Повеселишь стариков. А мы тебя нагодую, и комнатка для тебя найдется справная. Добре?

Молодой человек немного растерялся. Но дед смотрел на него так весело и как бы просительно, что он вдруг обрадовался. «А ведь и правда – хорошо бы так. В отеле небось документы потребуют. Фамилия моя известная здесь, запомнят. А у стариков – милое дело!»

– Спасибо на добром слове, дедушка, – ответил весело. – Коль не шутите – приду.

– Не шуткую, милок, приходи! На улице Южной спроси дом деда Богдана Лялюка.

– Добре, диду! – Юлик встал. – Приду под вечер, чекайте.

И с хорошим настроением пошел брать билет в цирк шапито.

Он и правда нашел дом гостеприимного деда Богдана раньше, чем обещал, – еще не смеркалось. Просто во второй половине дня почувствовал сильную усталость: сказались тревоги минувшего и нынешнего дня, да и почти бессонная ночь. Старики встретили его приветливо. Нагнали горячей воды помыться, накормили, дед достал штоф наливочки. Юлик сам не заметил, как рассказал им многое из своей жизни. Особенно о том, что сидело в сердце застарелой горечью и обидой: о давнем, чуть ли не с детства, сиротстве при живых родителях. Довольно обеспеченном, но все же сиротстве. Бабка Прасковья расчувствовалась, гладила его по голове, дед все повторял:

– Хороший ты хлопец, Юлиан, простой, хотя и господских кровей!

Дед Богдан сапожничал. В углу, среди инструмента и рулонов кож, Юлик увидел на табурете раскрытую книгу. Посмотрел, что же старик читает. Оказалось – «Робинзон Крузо», массовое издание в мягкой обложке. Заговорили о путешествиях, и Юлик, увлекшись, стал рассказывать о Ливингстоне в Африке, о плавании Магеллана и Кука...

Однако старики скоро заметили, что парень устал и у него слипаются глаза. Хозяйка постелила ему чистую мягкую постель в отдельной маленькой комнатке. И Юлик, укладываясь, с радостной уверенностью подумал: «Все будет хорошо. Судьба повернула на удачу...» И только уже засыпая, вдруг ясно вспомнил: страшное и красивое лицо мертвой, ее тяжелую ледяную руку, блеск драгоценных камней. Весь день он отгонял от себя это видение, а сейчас не сумел. Но теперь уже сон помог ему: мгновенно оборвал сознание...

Утром Юлика вновь хорошо накормили, и он тепло попрощался со стариками. И хотя дед Богдан кричал:

– Хай тоби грець! Мы за постой не берем! – он все же сунул под скатерку на столе деньги и быстренько ушел.

Выходя с бульвара на площадь, сразу увидел, что двери банка уже открыты. Не без трепета он ступил на ковровое покрытие передней залы, прошел к окошкам, где сидели служащие, и предъявил закладную. Что ему сейчас ответят?

Но услышать этого молодому человеку было не суждено. Рядом вдруг возникли люди в полицейской форме, схватили его под руки, а высокий черноусый исправник с пронзительными глазами на смуглом лице смерил его убийственным взглядом с ног до головы.

– Вот ты каков, мерзавец! – сказал жестоко. Но вдруг отвернулся и прошептал что-то, прикрыв ладонью глаза.

## 4

Убитую Любовь Савичеву нашел ее кучер. Свой особняк на окраине города Савичевы называли «дачей». Молодая вдова почему-то полюбила в нем жить с самого начала весны. Может быть, возрождающаяся природа подсознательно манила ее, потому что и в ней, после печальной утраты, тоже стали пробуждаться жизненные соки. А может быть, существовала и иная причина. Слухи ходили разные... В свой последний вечер, приехав после именин у Кондратьевых, Любовь Лаврентьевна наказала кучеру возвращаться в конюшню при городском доме. Здесь, на «даче», тоже имелась конюшня, но хозяйка накануне дала конюху выходной.

– Приезжай завтра за мной к двум часам пополудни, – сказала она, отпуская коляску. – Поеду с визитами.

Уезжая, кучер обернулся на повороте улицы: хозяйка еще не входила в дом, смеялась, разговаривая со своими двумя провожатыми. Их экипажи стояли у ворот, поджидая.

Днем он в точности исполнил наказ, с полчаса спокойно ожидал хозяйку у парадного крыльца, потом забеспокоился. Слишком тихо было в доме. Приглядевшись, он заметил, что входная дверь приоткрыта. Позвонил, вошел в дом, нерешительно поднялся по лестнице, постучал в дверь хозяйской комнаты... В полицейскую управу он прибежал бегом, даже не подумав, что на коляске это получится скорее.

Исправник Макаров в этот день, как и мечтал, хорошо выспался. Воскресенье на то и воскресенье, чтобы отдыхать, даже если ты начальник уездной полиции. Накануне они с женой отлично повеселились, но все же такие балы утомляют. Вера тоже спала долго, крепко. У нее после бала, уже дома, разболелась голова, Анатолий дал ей успокоительных капель. Оба проснулись бодрые, энергичные. Вместе позавтракали, что бывало не часто. Но потом, ближе к полудню, Макаров решил все же навеститься на службу. В полицейском управлении сегодня дежурили только пристав и два городских.

– Посмотрю, нет ли чего-нибудь экстраординарного, – сказал Макаров жене, – и сразу вернусь.

– Что может случиться необычного в нашем городе? – пожала плечами Вера. – На ярмарке у какой-нибудь старухи петуха стащили или в трактире двое пьяниц подрались.

– Так вот какого ты мнения о важности моей службы? А я-то думал...

Они посмеялись, и Вера, подавая ему китель, сказала, словно оправдываясь:

– Я ведь только рада, что все происшествия – такая неопасная мелочь. Что тебе незачем рисковать... Ты помнишь, Анатолий, что вечером – в театр?

– Помню, помню, дорогая! Я же сказал: туда – и обратно.

Правда, ему пришлось немного задержаться. На ярмарке и в самом деле произошла кража – не у бабки петуха, а у деда угнали телегу с яблоками. Пока разбирались, городской Зыкин телегу нашел на одной из улиц. Несколько корзин яблок не хватало, однако дед радовался и благодарил полицию. А когда Макаров уже совсем засобирался домой, в управу вбежал задыхавшийся и перепуганный человек. Макаров не узнал его – он обычно не вглядывался в слуг. Но тот назвал кучером госпожи Савичевой и несвязно стал говорить какие-то бессмысленные слова. Но Макаров понял, что человек этот очень испуган и что-то произошло с Любовью Лаврентьевной. Когда же кучер наконец заговорил внятно, Анатолий Викторович и стоящие здесь же полицейские отказались поверить своим ушам. Любовь Лаврентьевна мертва! И не просто мертва – жестоко убита! Как такое может быть? Ведь совсем недавно он, Макаров, танцевал с ней...

Исправник наказал одному из городских быстро отправляться в ближний госпиталь и послать оттуда к даче Савичевой карету «Скорой помощи», хотя кучер повторял как заведенный: «Она мертвая, совсем мертвая!» Скрипнув зубами, Макаров добавил городскому:

– После госпиталя иди в морг, скажи, что я прошу приехать врача из анатомической лаборатории.

Сам же он сел в полицейскую пролетку вместе с приставом и другим городовым, позвал кучера:

– Поехали...

По пути кучер рассказал ему подробно, как он нашел убитую, как она выглядит. Поэтому, когда Макаров быстро пересек комнату Савичевой и, на мгновение замерев и глубоко вдохнув, рывком распахнул портьеру, он не вздрогнул, не вскрикнул. Стал на колени возле убитой, машинально поправил распахнутую полу ее пеньюара.

– Бедная Любочка! – прошептал с жалостью. И, помолчав, добавил: – Бедная Вера... Пусть подольше не знает...

Хотя и понимал, что «подольше» – это два-три часа.

Над головой тяжело сопел пристав. Проговорил хрипло:

– Зверь, это же зверь какой-то... Задушил... Причем, господин исправник, обратили внимание? Спереди узел затягивал!

Горло Савичевой было перетянута скатанным в жгут шелковым шарфом. Концы шарфа, за которые убийца тянул, и в самом деле перекручивались впереди. Обычно убийца старается набросить удавку внезапно, сзади. Предпочитает, чтобы жертва его не видела. Или сам не желает видеть смертельной гримасы...

– Может быть, они были знакомы? С этим мерзавцем? – высказал предположение пристав.

– Может, и так, – согласился Макаров, поднимаясь. – А возможно, убийца просто садист и любит видеть мучения...

– Осмотреть дом? – спросил пристав.

– Сделаем это вместе.

Городового он оставил у комнаты погибшей, а еще трех, вызванных им из ближайшего участка, отправил осматривать сад и всю территорию вокруг дома.

Комната умершей дала им некоторое представление о случившемся. Разобранная и смятая постель говорила о том, что Савичева уже легла спать. Может быть, и не одна, но, во всяком случае, в постели она побывала. А потом произошла трагедия. Любовь Лаврентьевна, судя по всему, отбивалась, вырывалась: опрокинуто кресло, на низком столике сбита набок лампа...

– Кто знает... – задумчиво протянул Макаров. – Это может быть и совсем случайный человек. Вор, например...

Пристав был толковый полицейский. Он тут же прикинул:

– Нужно посмотреть, не пропали ли вещи, драгоценности. Хотя глядите: на убитой дорогие кольца, браслет! Все цело!

– А может, и просто насильник, – покачал головой Макаров. – Ладно, пойдемте осматривать дальше. И особенно – первый этаж. Если это был случайный человек, вряд ли он сразу отправился наверх.

Его догадка скоро подтвердилась. В ванной комнате он чуть не поскользнулся на влажном кафельном полу. И если можно было предположить, что воду расплескала сама Савичева, принимая ванну перед сном, то полотенце тут же опровергало это. Да, одно из полотенец не только хранило еще заметную влажность, – оно было в грязных черных разводах. Совершенно невозможно было представить, что эту грязь вытирала с себя Любочка Савичева! Макаров долго удивленно разглядывал полотенце. Значит, это был другой человек... видимо, убийца!

– Я совершенно убежден: никто из знакомых Любове Лаврентьевны не мог быть так грязен! – Макаров возбужденно потряс полотенцем. – В этот дом приходили люди респектабельные... даже если и тайком!

– Значит, ваше предположение может оказаться верным, Анатолий Викторович! Насчет случайного бандита.

Исправник и пристав стали тщательно осматривать ванную комнату и в углу, за умывальником, нашли скомканный грязный носовой платок. Да, платок был совершенно неопрятный, но однако тонкого батиста, изящной выделки. И – с монограммой! В уголке его затейливой вязью переплетались буквы, в которых Макаров не без труда различил «Ю», «К» и «Я». Да, именно эти буквы – пристав тоже с ним согласился. При этом они удивленно переглянулись: что бы это могло значить?

Вслед за приехавшей и отпущенной за ненадобностью каретой «Скорой помощи» прибыл врач из морга. Он осторожно снял с шеи убитой шарф-удавку, передал его Макарову. Тот проговорил нерешительно:

– Кажется, это шарф самой Любви Лаврентьевны... Жена скажет точнее.

Вскоре доктор дал им свое заключение. Савичева была мертва приблизительно уже часов двенадцать. А это значит, что убили ее ночью. Способ убийства сомнения не вызывал: удушение. Насилия над женщиной совершено не было.

– Я заберу тело с собой, – сказал патолог. – Если при более тщательном обследовании появится что-то новое – сообщу немедленно... Хоронить можно будет послезавтра.

Все вышли из комнаты. Макарову не хотелось видеть, как санитары укладывают на носилки мертвую женщину. И когда Савичеву, уже накрытую простыней, пронесли мимо, он невольно отвернулся. Все это время он брезгливо держал пальцами грязный носовой платок. Теперь снова поднес его к глазам:

– Ю, К, Я... Что же это за загадка?

И вздрогнул, потому что, словно отвечая ему, с первого этажа раздался крик:

– Господин исправник! Ваше благородие!

– Что там? – Макаров быстро глянул на пристава и поспешил по лестнице вниз. Два возбужденных городских протягивали ему какую-то книжицу.

– Вот, нашли в беседке, – стал рассказывать один. – В саду беседка, вроде комнатки маленькой. Там натоптано, на полу грязь, трава. А из-под дивана уголок этой книги торчит!

Макаров оглянулся, приглашая подошедшего пристава посмотреть вместе с ним. Потом взял в руки небольшого формата толстенькую книгу в бумажной обложке. На обложке синевато-фиолетового цвета смутно различался странный рисунок: накаты волн, созвездия, крылатые ангелы... Называлась книга «Аврора, или Утренняя заря в восхождении...», автором ее был Якоб Беме.

«Немец какой-то», – подумал Макаров, механически перелистывая страницы. И вдруг в воздухе закружился, падая, белый листок бумаги. Исправник ловко подхватил его на лету. На бумаге было размашисто написано: «Не забывай о мести Святого Сикейра!» И все. Зато на другой стороне листочка стояло: «Юлиану К.-Яснобранскому». Макаров шумно перевел дыхание, а пристав неожиданно присвистнул.

– Вот вам и «Ю, К, Я»! – воскликнул чуть ли не весело.

А Макаров, словно не веря удаче, неуверенно выговорил:

– Да ведь это же – Кокуль-Яснобранские... Знаменитая фамилия в здешних местах. Богатейшая помещица, Христиана Кокуль-Яснобранская, не одно селение ее роду здесь принадлежало, да и сейчас под ней много земли.

– Как же, как же! – подхватил пристав. – Только она давно уж тут не живет. Но, если не ошибаюсь, была замужем.

– Точно так! – подтвердил Макаров. – За здешним помещиком, полковником Яриным. Давно разошлись. А вот сын у них есть...

Макаров потер лоб ладонью.

– Выйдем-ка на улицу, – сказал своему собеседнику. – Что-то крутится у меня в голове, какая-то информация. Совсем недавняя...

Они вышли и сели в аллее на скамью с резной деревянной спинкой. Исправник сосредоточенно думал. И вдруг радостно шелкнул пальцами:

– Ну конечно же! Поедем, господин пристав, потревожим президента Дворянского банка! Думаю, застанем его дома. Он ведь вчера тоже гулял у Кондратьевых, теперь небось приходит в себя. К этому времени, думаю, уже – в порядке.

Когда они уже сидели в экипаже, он добавил заинтригованному приставу:

– Месяца два назад господин Канивцов получил письмо. Очень, очень интересное письмо... Не говорите сразу об убийстве, я потом ему сам скажу, осторожно. Для нашего города это из ряда вон выходящий случай, а у старика слабое сердце.

Президент Дворянского банка не был таким уж стариком. Дородный, давно облысевший, но зато с густой бородой, почти без седины. Он не высказал особого удивления интересу исправника к письму госпожи Кокуль-Яснобранской. Макарова в городе уважали как человека основательного и делового. Раз интересуется – значит, надо. Хозяин провел двоих полицейских себе в кабинет.

– Письмо было адресовано лично мне, по-дружески, потому я держу его дома в личной переписке.

Чувствовалось, что и в своем домашнем кабинете президент банка поддерживает идеальный деловой порядок. Он сразу же подошел к одной из длинных, во всю стену, полок, быстро просмотрел корешки ровных папок, вытащил одну.

– Вот оно! – протянул раскрытую папку исправнику.

Макаров, не садясь, пробежал письмо глазами. Потом кивнул приставу:

– Слушайте! «Уважаемый господин президент...», это мы пропускаем, ага – вот отсюда! «Возможно, вскоре или какое время спустя к вам в банк наведается мой сын, Юлиан Кокуль-Яснобранский. Он предъявит вам закладную за подписью господина Ярина, его отца. Закладная переадресована на мое имя, а мальчик взял ее без спросу. Это отвратительный поступок, но не станем судить его строго. Достаточно будет забрать у него закладную, не выплачивая денег. Я пишу лично вам, поскольку не хочу никакой огласки этого поступка своего сына. Это мои пробелы в его воспитании...» И так далее!

Исправник торжествующе прищелкнул пальцами по бумаге:

– Ясно вам теперь, коллега?

Пристав был немного растерян:

– Значит, этот парень пришел в город получить по закладной?

– Вот именно!

– Зачем же он тогда...

Пристав осекся, пожал плечами. Макаров на минутку задумался.

– Василий Степанович, этот Кокуль-Яснобранский не появлялся в банке на днях?

– Нет, это точно! Я приказал своим служащим, если меня в тот момент в банке не будет, сразу же за мной послать, сказав молодому человеку, что такую сумму могу распорядиться выдать только я. Его мать просила не поднимать шуму, вот я и хотел сам поговорить с Юлианом, пожуричь и предостеречь его... Я ведь помню его – мальчиком, правда, когда он еще жил здесь с отцом и матерью... Решительно не появлялся!

– Значит, – повернулся Макаров к приставу, – этот молодчик сам объяснит нам свой поступок!

– Каким образом? Вы думаете...

– Да! Мы с завтрашнего дня, с понедельника, устраиваем засаду у банка. Если я правильно понимаю обстоятельства, долго нам ждать не придется. Он не покинет город, не попы-

тавшись получить деньги. Скорее всего, они ему очень нужны. Уверен – это его главный мотив. А он, как вы заметили, в доме у Савичевой не обогатился!

– Почему же? Если именно из-за этого...

– Это он нам тоже сам расскажет!

Президент растерянно переводил взгляд с одного полицейского на другого. В его голосе появилась обида:

– Но, господа, позвольте!.. Анатолий Викторович!..

Макаров быстро повернулся к нему, мягко взял под руку.

– Дорогой Василий Степанович, ради бога, не обижайтесь! Мы тут в вашем присутствии заговорили о служебных задачах, забылись. Но тому причина – обстоятельства для нашего города необыкновенные, трагические...

– Вы меня пугаете, господин исправник! Я так понял по вашей реплике, что обворован дом нашей милой вдовы?

– Если бы, если бы... Все гораздо хуже. Убита Любовь Лаврентьевна, жестоко убита...

\* \* \*

К дальнейшему восхищению всего города, начальник полиции оказался чуть ли не провидцем. На следующее утро он сам стоял у окна второго этажа банка и из-за шторы смотрел на бульвар. И первый увидел высокую простоволосую фигуру в студенческой куртке. Убедившись, что неизвестный молодой человек направляется именно в банк, уверенно сказал своим собеседникам:

– Вот он, красавчик! Идет как ни в чем не бывало!

Президент и пристав глянули в приоткрытую щель штор.

– Похож... – прошептал бледный господин Канивцов.

Анатолий Викторович быстро сбежал по лестнице вниз, сказал городовым, расставленным в засаде в кассовом зале:

– Подождите, пока предъявит закладную, и сразу крутите...

И сам быстро стал за широкую плотную штору окна.

Когда растерянный молодой человек испуганно стал оглядываться и даже попытался вырвать руки из цепкой хватки полицейских, он шагнул к нему, смерил гневным взглядом:

– Вот ты каков, мерзавец!

И внезапно отвернувшись, проговорил хрипло, с перехваченным дыханием:

– Бедная Любочка!



## 5

Городская тюрьма – «острог», как говорили местные жители, – находилась тут же, при полицейской управе. Даже не тюрьма, а три камеры, в которых заключенные ожидали суда. Потом их отвозили в губернскую тюрьму, в Харьков, и, если требовалось – дальше по этапу. Сейчас Юлик был единственным здесь заключенным. Зато таким, на которого было обращено внимание всего города. Убийство для Белополя – событие из ряда вон выходящее. Нет, конечно, в кулачных драках улица на улицу или в пьяных ссорах бывали случаи, что людей забивали до смерти. Но чтобы так – чтобы умышленно и жестоко задушить женщину!.. Молодую, богатую – Любовь Савичева была хорошо известна в маленьком городе. Да и личность убийцы сама по себе вызвала разговоры и обостренный интерес. Еще бы – сын местных магнатов, Кокуль-Яснобранский!

Когда в банке полицейские схватили Юлиана, он сразу же подумал: «Голицыны! Все-таки узнали!» Еще тогда, в Битице, когда он панически удирал под лай собачьей своры, ему показалось, что старый управляющий его узнал. Но когда его уже вели к коляске, ему вдруг стало странно: как же полиция смогла его так быстро найти? И как они думают доказать его вину? Не пойман – не вор! А он, конечно же, все будет отрицать, управляющий мог и обознаться. И потом: ничего же, собственно, не произошло, ничего не похищено...

В коляске Юлик пытался заговорить с исправником.

– Надо же, – покрутил головой, пытаясь превратить все в шутку. – Засаду на меня устроили, словно на зверя! Или теперь новая мода так приветствовать земляка, давно не бывавшего в родных местах?

Он старался говорить весело, хотя и почтительно. Но когда исправник промолчал, сказал, добавляя в голос раздражения и некоторой спеси:

– Прикажите своим воякам отпустить мои руки! Думаете, буду прыгать на ходу? Могли бы просто пригласить в управу, и я бы пришел.

Исправник смерил его взглядом жестко прищуренных глаз, и Юлик растерянно замолчал. Но тут они подъехали к полицейскому управлению, его втолкнули внутрь и наконец отпустили. Потирая кисти рук, молодой человек зло и требовательно поинтересовался:

– Ну, теперь-то вы мне скажите? Что за самоуправство такое?

Начальник полиции кивнул:

– Да, господин Кокуль-Яснобранский... я ведь не ошибаюсь?

– Нет!

– Так вот, вы не приглашены сюда, а арестованы. По обвинению в убийстве Савичевой Любови Лаврентьевны, которое вы совершили прошлой ночью.

В то же мгновение Юлик словно увидел: мертвая женщина в розовом пеньюаре, красивое искаженное лицо, рука с перстнями... Как ни странно, но он о ней совершенно не вспоминал в те минуты, пока его хватали, сажали в коляску, везли... И вдруг!

– Нет! – вскрикнул он, вскакивая. – Я не делал этого!

Предчувствие чего-то страшного и неминуемого сковало его сердце, он задохнулся. Но тут же наткнулся на холодный, насмешливый взгляд начальника полиции. Это отрезвило его. И, уже думая над тем, что произносит, он проговорил спокойнее:

– Я вообще не понимаю, о чем идет речь.

... Глупо, как глупо он вел себя с самого начала! Теперь, сидя в камере и вспоминая, Юлик иногда даже плакал, беззвучно кусая губы. Зачем он все отрицал? Все: «Нет, ничего не знаю, никогда не видел этого дома, не был даже близко в той стороне города!» Он ведь мог рассказать все как было, почти полную правду. Не упоминая, конечно, о приключении в имении Голицыных. Мог бы сказать: остался без денег, шел от тракта в город пешком. Этому можно

легко поверить, ведь уже известно, что он хотел получить деньги по опротестованной матерью закладной. А дальше: не рассчитал время, стемнело, заблудился, устал. Оказался в чьем-то незнакомом саду, решил заночевать в беседке. Утром хотел, извинившись перед хозяевами, попросить разрешения привести себя в порядок, умыться. Дверь оказалась открытой, зашел...

Это было почти правдой. А он, он позволил следствию и этому суровому исправнику уличать себя – мелочь за мелочью.

«Нет, никогда не был ни в саду, ни в беседке».

«А вот книга, и в ней записка, адресованная вам. Их нашли именно в беседке госпожи Савичевой...»

«Нет, я даже не заходил в дом!»

«Платочек с вашей монограммой найден в ванной комнате»...

«Да, да, признаюсь, я умылся в ванной на первом этаже. Но наверх не поднимался!»

«Но вас видел свидетель: вы выпрыгнули из окна второго этажа. А окно это – в комнате покойной Савичевой. На клумбе – следы ваших ботинок...»

Господи, они даже нашли какую-то женщину, крестьянку, которая на опознании сразу указала на него.

– Вот этот красивый молодой господин прыгал из окна. Очень видный собой, и одежда как у студента...

Молочница из слободы Климовка пришла в полицию сама, на третий день после ареста Юлиана Кокуль-Яснобранского. И рассказала, что дважды в неделю, по средам и воскресеньям, приносила в дом госпожи Савичевой творог и сметану.

– Покойная Любовь Лаврентьевна, бедняжка, очень всегда хвалили мой товар, – рассказывала молодая женщина, вытирая слезы. – Я к ней первой приходила, потому получалось очень рано. Оставляю крынки на крыльце, в колокольчик тихо позвоню, чтоб кухарка потом вышла и забрала, и ухожу. Они ведь со мной всегда наперед, в начале месяца, рассчитывались... А потом еще в два дома заносу и – на рынок. В воскресенье тоже – поставила, позвонила, да слышу стук какой-то, шум за домом. Я глянула – а он из окна прямо на цветы прыгает – и бежать! Я тогда-то что подумала: хозяйка вдова, молодая, мол, был гость ночной. Полюбовник, просто говоря. Что из окна прыгал, так у господ это принято, для интересу. Не мое, думаю, это дело. И ушла. А когда прослышала про убийство, засомневалась. А вдруг, думаю, это убийца убежал!

Юлиану, словно загнанному в угол шуру, раз за разом приходилось признаваться: «Да, я скрыл правду, да, было именно так, да, я это делал...» И его упорное: «Нет, я не убивал эту женщину!» – с каждым новым признанием звучало все более и более жалко.

Расследование вел сам начальник полиции, господин Макаров. Он сразу же объявил Юлиану:

– Я много лет дружил с мужем Савичевой, она была лучшей подругой моей жены. Я тебя, щенок, лучше всякого следователя припечатаю. И твои именитые родители тебя не выгородят!

Юлик тогда прерывисто вздохнул, хотел было что-то ответить, но только горестно улыбнулся уголкем губ. Что говорить! Скоро и так все узнают, что родителям нет до него дела.

И продолжал твердить: «Я не убивал!» Но факты уже все были собраны и выстроены в четкую логическую цепочку. Даже то, что он не взял драгоценностей убитой, легко объяснилось: приход молочницы спугнул его. Юлик знал, что это была единственная правда. В конце концов он признался и в том, что нашел мертвую женщину и хотел снять с ее руки украшения. Но не смог! Он настаивал: именно сам не смог, а вовсе не испугался кого-то. Но никто в это, конечно же, не верил.

Следствие окончилось, был назначен день суда. И тут выяснилось, что ни отец, ни мать осужденного не собираются приехать на суд. По своим давним детским воспоминаниям Юлик догадывался, что отец никогда не был счастлив с его матерью. Он был страстно влюблен в юную

Христиану, дочь местного магната Витольда Кокуль-Яснобранского. Этой восторженной влюбленностью он и заставил дрогнуть ее сердце. К тому же сам был из родовой богатой фамилии, молодой красивый офицер. Но очень скоро мать стали раздражать его слова, шутки, поступки – даже те, которыми он старался ей угодить. Очень скоро она стала открыто помыкать им, даже на людях. И особенно оскорбила тем, что единственного сына записала на свою фамилию. И все же, когда через несколько тягостных лет муж сам оставил ее, Христиана Витольдовна была уязвлена в самое сердце. Ей казалось, что совершенно не нужный, но обожающий муж всегда будет под рукой. И вдруг – так ее опозорить! Правда, она быстро оправилась от удара, а вскоре и вовсе уехала за границу. Там началась у нее совсем другая жизнь, в которой сыну места не оказалось.

Ее муж, Ярин, долго был один, а уже когда вышел в отставку полковником, внезапно женился на молодой красивой женщине. Жил в Санкт-Петербурге, растил двоих детей и был, судя по всему, счастлив. И если с матерью Юлик виделся хоть изредка, мельком, то отца он даже в лицо уже не помнил. На запрос белопольского окружного суда полковник Ярин ответил: «Юлиан Кокуль-Яснобранский давно самостоятельный взрослый человек, не имеющий ко мне никакого отношения. Не желаю вмешивать мою семью и моих детей ни в какие сношения с преступником...» Мать из-за границы и вовсе ничего не ответила...

Сидя долгие часы в камере один на один с собой, Юлик все думал, думал... Глупо, как глупо все то, что он делал последнее время! Хотя бы этот его набег на имение Голицыных! Совершенно детская фантазия, недостойная взрослого человека, – теперь-то он это хорошо видит! Как ему вообще могло прийти в голову, что в доме хранится та самая драгоценность? И что удастся ее незаметно взять? Впрочем, зачем перед самим собой-то притворяться? Он собирался совершить самое вульгарное воровство! Не глупо ли? Но, может быть, самую главную глупость он сделал раньше, когда позволил вовлечь себя в общество «Орден мистической магии». Еще совсем недавно подобная мысль не пришла бы ему в голову, настолько он был верным адептом философа-мистика Якоба Бёме, жившего триста лет назад. Но теперь, после такой встряски, нервного шока и долгих часов, данных ему для размышлений, молодой человек заново переосмысливал и привязанности свои, и поступки.

Ничего полезного в жизни он делать не умел. Может быть, поэтому так страшила его мысль расстаться с учебой? Это все-таки занятие, дающее чувство самоуважения: он учится, постигает науки! Когда-нибудь он сумеет применить свои знания в жизни, принесет пользу, а возможно, и совершит открытие! Когда-нибудь... И Юлик учился. Слушал курс в юридической академии, потом вдруг решал, что естественные науки – его призвание. Через время, остывая, увлекся историей. Одно время ему казалось, что в нем живет талант архитектора, в другое – экономиста и статистика... Менялись академии, университеты, высшие школы и курсы, он переезжал из города в город... В Сумах, которые были почти что его родиной, он и попал в общество, верховным жрецом которого был магистр Дидиков. Когда один однокурсник предложил Юлиану пойти с ним на ритуальное собрание к мэтру Дидикову, он с энтузиазмом согласился. Имя мэтра было ему известно. Он слышал его от матери еще подростком. В те годы образованное общество, подобно лихорадке, охватило повальное увлечение спиритизмом. Началось с Москвы, где знаменитые спиритические сеансы магистра Дидикова посещал весь высший свет. Потом магистр стал гастролировать по крупным городам России. Мать Юлика в те два-три года несколько раз специально приезжала из-за границы, чтобы попасть на сеансы к Дидикову. Тогда она и сказала сыну, что отечественный спиритуал гораздо сильнее знаменитых французов Вентра, аббата Буллана и англичанина Матерса. Потом всплеск интереса к спиритизму потихоньку утих, и о магистре не стало слышно. И вдруг – снова мэтр Дидиков! Конечно же, Юлик пошел на это ритуальное собрание.

Он сразу понял, каким сильным обаянием обладает человек, называющий себя теперь жрецом «Ордена мистической магии». Интересно, что и Дидиков на первом же собрании обра-

тил внимание на новичка: он просто не спускал глаз с Юлиана. А взгляд этого темноволосого, темнобородого человека пронизывал насквозь, но вселял не страх, а благоговейный трепет и вдохновение. На глаза наворачивались слезы... Юлик пришел и второй, и третий раз и очень скоро стал любимым учеником магистра. Основной задачей ордена было изучение разумных сил, стоящих за силами природы, а также – высшее предназначение человека и его отношения с Богом. Прекрасные цели! Великим своим учителем, а значит, и учителем всего общества, мэтр Дидиков называл Якоба Беме, знаменитого немецкого философа-мистика. Беме не раз приходили божественные озарения, во время которых из тела исторгался его астральный дух и ему открывался свет божественного существа и сокровенные тайны природы. Якоб Беме в своих трудах утверждал, что добро и зло присущи не только живым существам, но и стихиям. На ритуальных собраниях магистр Дидиков учил, что добрыми и злыми чувствами земли, неба, природы, стихий можно управлять. Это доступно тому, кто умеет высвобождать свой астральный дух. Но достигают подобного лишь избранные, творческие натуры. Недаром среди адептов ордена были поэты и художники нового направления – символисты. Оккультизм и мифология, настроения и чувства – вот что лежит в основе божественного истинного творения, утверждал Дидиков. И он был совершенно уверен, что его ученик Юлиан наделен всеми качествами, чтобы стать избранным.

Юлик верил магистру безоговорочно. Ведь Дидиков был не просто человеком – земным воплощением великого Беме! В своих озарениях он видел, как ничтожны и смешны принятые в обществе моральные нормы. Потому не препятствовал любимому ученику жить легко, раскрепощенно, в свое удовольствие. Юлик влюблялся, играл на скачках, кутил, сопровождал Дидикова в ритуальных круизах по городам. Магистр знал, как скудны средства, выделяемые Юлиану матерью, и щедро, без счета, одалживал ему деньги. Вскоре мэтр настолько приблизил к себе молодого человека, что позволил ему ассистировать при служении мессы святого Сикейра. Нет, нет, это не была банальная черная месса – в разрушенной церкви, с освещением черной гостии, с причастием дьявольской водой. Во время мессы святого Сикейра вызывались духи предков, а в жертву приносилась белая голубка. Мессу служили в редких, особых случаях, когда нужно было защитить орден с помощью мощных магических чар, требовалось наказать изменника или гонителя, войти в сознание влиятельного человека и управлять им. Атрибуты мессы: магический меч, пятиконечная звезда, алтарь из намагниченного железа, таинственный порошок «черный мус» – все так сильно действовало на воображение Юлиана, что дня два-три после обряда он всегда ощущал душевную опустошенность. Чтобы избавиться от нее, требовались развлечения и деньги.

Два месяца назад мэтр Дидиков впервые заговорил с Юлианом о бриллиантовом кресте святой княгини Ольги. Это была фамильная драгоценность Кокуль-Яснобранских, и то, что магистр знал о ней, Юлиана не удивило. Магистр знал самые тайные и сокровенные вещи, а это – пустяк.

– Да, – ответил тогда Дидикову молодой человек. – Этот крест принадлежал матери. Но она подарила его своей двоюродной сестре, княгине Ольге Голицыной, на день ангела.

Мадам Кокуль-Яснобранская отличалась импульсивностью и непредсказуемостью. Сделать царский, шикарный жест для нее не представляло труда. Да она и вовсе не была скупа. То, что держала сына на голодном денежном пайке, объясняла исключительно вопросом «принципов воспитания».

– Он – мой единственный наследник, – откровенно говорила она друзьям. – Когда-нибудь все мои богатства достанутся ему. Но до той поры пусть научится жить самостоятельно!

В общем, не раз думал Юлик, похоже на то, как бросают в воду щенят: выплывет – будет жить. К тому же матушка была еще моложава, энергична и собиралась прожить долгую роскошную жизнь...

Через две недели после разговора о кресте магистр служил мессу святого Сикейра, Юлиан ассистировал. В тот момент, когда он должен был передать голубку для заклания магистру, магический меч неожиданно сам по себе повернулся острием прямо ему в грудь, он растерялся и выпустил птицу из рук. Та рванулась к потолку, забилась там, а магистр вскрикнул, упал на колени, запрокинул голову. Его тело сотрясала крупная дрожь...

Юлик однажды уже видел «озарение» мэтра Дидикова. И теперь понял – оно. Но на этот раз «озарению» предшествовали такие странные знаки, что молодой человек испугался, молча вжался в угол и ждал. Когда магистр поднялся, его глаза радостно блестели. Он протянул руки и обнял ученика.

– Я говорил с самим святым Сикейром! О тебе. Да-да, мой дорогой, о тебе. Святой открыл мне, что ты не случайно оказался в нашем ордене. Ты избран вернуть нашу давнюю реликвию – крест святой Ольги! Святая Ольга – это один из столпов нашего ордена. Недаром, грозя врагам, мы закалываем на мессе голубицу: ведь именно голуби, пущенные рукой княгини Ольги, принесли смерть ее врагам! Крест, принадлежавший твоему роду, должен вернуться к нам!

Немного позже, уже в другой, спокойной обстановке, мэтр разъяснил Юлиану, что, если тот не сумеет добыть для ордена святую реликвию, ему придется вернуть деньги – много денег. Те самые, которые без счета одалживал ему магистр. Это были деньги ордена, и давались они ему как залог будущего подвижничества – возвращения бриллиантового креста. А святой Сикейр шутить не любит. Подвиг во имя ордена Юлиан должен совершить как можно скорее...

Сразу после этой мессы Юлик очень ясно вспомнил: большое имение князей Голицыных в Битице, яркое освещение, музыка, много людей. Ему лет шестнадцать-семнадцать. Мать, внезапно приехавшая из-за границы, взяла сына с собой на праздник именин двоюродной сестры. Уставший от шума, смеха, суеты, он зачем-то ищет мать, открывает дверь небольшой комнаты-кабинета и видит обеих кузин: Христиану и Ольгу. Мать протягивает тетке необыкновенно красивый бриллиантовый крест. Та, радостно вскрикнув, обнимает сестру, а потом подбегает и обнимает Юлика.

– Смотри! – говорит ему возбужденно. – Твоя матушка сделала мне такой чудесный подарок! Крест святой Ольги, и как раз в день моего ангела – святой Ольги! Я буду хранить его вот здесь...

Она достает из бюро красивую, инкрустированную серебром черную шкатулочку.

– Но это потом, – добавляет она. – А сейчас надену, чтобы все любовались...

Да-да, Юлик словно увидел и шкатулочку, и дверцу бюро, откуда княгиня ее достала, и расположение этой комнаты – на первом этаже, за анфиладой маленьких комнаток и большой бальной залой...

Потом несколько лихорадочных дней он все думал, думал... Мать писала, что княгиня в Париже. Одна она не путешествует, значит, и князь тоже в Париже. Имение в Битице наверняка пусто. А крест святой Ольги... Зачем бы Голицыной брать его с собой за границу? Носить как драгоценность? Но это же крест, а не побрякушка! А княгиня не слишком религиозна, он знает, и предпочитает колье...

И он убедил сам себя, что бриллиантовый крест должен лежать там, в той же комнате, в той же шкатулке. Ему даже чудилось, что в этой догадке есть отблеск «озарения». И почему-то он решил, что сможет легко проникнуть в имение, в комнату с бюро...

Глупо! Господи, как глупо! Теперь, когда все обернулось так странно и жутко, он думал: «Почему я так легко поддался внушению, пусть даже мистическому? Может быть, потому, что в детстве ударился головой?»

Мальчишкой он однажды влез на высокую яблоню, потянулся за краснобоким яблоком. И сорвался с большой высоты. Два дня пролежал без сознания, а потом неожиданно очнулся здоровым. Однако травма бесследно не прошла. В тот год у него было несколько приступов лунатического хождения. И дважды – в двенадцать и в восемнадцать лет – случаи полного

выпадения памяти. То есть, просыпаясь утром, он совершенно не помнил, как провел день накануне. Однако подобное уже давно, почти девять лет, не случалось...

Вспомнив об этом, Юлик вдруг вскочил на ноги, на несколько секунд замер с приоткрытым ртом. Бог мой! Выпадение памяти!

Этот жестокий исправник, добывая его фактами, так ярко описал преступление – шаг за шагом! Вот молодой человек, еще не преступник, спит в беседке незнакомого сада. Просыпается на рассвете, терзаемый мыслью о том, где раздобыть денег. Есть украденная у матери закладная, но он подозревает, что она опротестована. А перед ним – тихий безмолвный дом, явно богатый дом... Тому, кто украл раз, второй раз решиться на подобное не трудно. И молодой человек, уже почти преступник, влезает в окно первого этажа. Скорее всего – в окно ванной комнаты. Моет грязные руки – он все-таки дворянин. Потом идет и открывает входную дверь, чтобы легче было убежать в случае опасности. Впрочем, здесь исправник допускал такое предположение: Кокуль-Яснобранский колеблется, думает даже уйти. Но все-таки поднимается на второй этаж...

Дойдя до этого момента, исправник стукнул кулаком по столу и не стал дальше рассказывать подробно. Закончил быстро и жестко:

– Скорее всего, Любовь Лаврентьевна проснулась от шума, вышла и застала вас роющимся в шкафах. Бросилась назад к себе, но вы, перепуганный и плохо соображающий, ее догнали... наверное, она попыталась кричать... Первое, что вам попало под руку, – ее шарфик...

Он слушал с кривой усмешкой и повторял:

– Бред, какой бред...

А теперь, когда следствие уже закончилось, накануне суда, один в своей камере, он вдруг испугался: «А вдруг все правда? Вдруг все так и было?»

Ведь ни разу до этого он не вспомнил о своей детской травме, о лунатизме и о провалах в памяти. А если все было так, как говорит начальник полиции? Во время бегства и погони он ведь пережил такое напряжение, после которого человек может впасть в сомнамбулическое состояние. Вдруг, сам не понимая, что творит, он убил эту женщину? А потом совершенно забыл об этом?

## 6

Хорошо, что городской суд располагался в большом здании, занимал большой зал первого этажа, где скамьи стояли полукруглыми ярусами, а по периметру второго этажа тянулся балконный ряд. Кто и когда решил устроить суд именно здесь, уже никто не помнил. Не раз городские власти покушались отобрать здание – то для театра, то для земского собрания. И правда: в гулком обширном зале обычно сидело несколько жалких, затерянных фигур – любители послушать разбирательство пьяной драки или спора из-за земельного надела. Редко когда собирался суд присяжных, чтобы вынести приговор уличенному в злоупотреблениях чиновнику или девице из веселого дома, обокравшей своего кавалера. Чаще всего бытовые споры рассматривал мировой судья.

Но вот настал час торжества тех, кто отвоевал-таки здание для суда! Стены зала не вмещали всех желающих, балконы были забиты людьми. И ведь что за публика это была! Весь цвет городского общества, все именитые люди, помещики, съехавшиеся из окрестных имений. Дамы щеголяли нарядами и шляпками, господа в сюртуках и с тростями крепко пожимали друг другу руки. У многих были театральные бинокли, которые они настраивали на еще пустую судейскую кафедру. Все были возбуждены и полны ожидания. Веселые возгласы приветствий, узнавания тут же сменялись иной тональностью: вздохами сочувствия, жалости и сетованиями о жутких подробностях преступления.

Белопольская публика собиралась на слушание дела об убийстве Любви Савичевой. Убийстве, в котором обвинялся двадцатисемилетний Юлиан Кокуль-Яснобранский.

Заседание суда прошло интересно, но, к сожалению, очень быстро – в один день. Доказательства вины были настолько ясными и очевидными, что оспаривать их не было никакой возможности. Прямых свидетелей преступления, конечно же, не было. Но косвенные существовали, и прокурор, строя обвинение, не преминул их вызвать. Мировой судья и фабрикант Матвеев рассказали, как проводили Любовь Лаврентьевну и распрощались с ней у крыльца ее дома. Дело происходило около часу ночи, уже в воскресенье. Савичева была весела, бодр... Потом оба кавалера уехали, каждый в своем экипаже, но прежде сговорились завернуть в казино. Оно и понятно: были возбуждены, приятно выпили, домой возвращаться еще не хотелось. Так и провели время в казино до утра.

Кучер покойной Савичевой рассказал, как нашел свою госпожу мертвой. Упомянул, что она собиралась отдыхать до двух часов пополудни, а потом ехать с визитами.

Показания свидетелей говорили о том, что погибшая домой с именин у Кондратьевых не торопилась, никого не ждала, строила планы на будущее. Получалось, что смерть настигла ее внезапно, неожиданно, по всей видимости, убийца был ей незнаком.

Взоры людей, сидящих в переполненном зале, не отрывались от фигуры молодого человека на скамье подсудимых. Какой неожиданный поворот судьбы! Сын неприступного красавца Ярина и гордячки Кокуль-Яснобранской – жестокий убийца! Самого его мало кто помнил в городе, но родителей хорошо знали почти все. Это знакомство оказалось самой острой приправой к и без того жгучему интересу. Среди множества глаз, неотрывно разглядывающих подсудимого, были и глаза одной юной девушки. Но это был особенный взгляд – замороженный.

Надя Кондратьева сидела во втором ряду между отцом и матерью. Она смотрела на Юлиана Кокуль-Яснобранского, и сердце ее трепетало. Как только начался суд и молодой человек сел на предназначенное ему место, Надя сразу поняла: все вокруг ошибаются! Такая совершенная красота не может быть преступной!

Никогда в жизни она еще не видела никого красивее. Юлиан был высок и строен, широкоплеч и узкобедр. В его движениях сквозила непередаваемая врожденная грация. Те несколько шагов к скамье подсудимых он прошел легко и изящно, даже отрешенное и подавленное состо-

яние не смогло уничтожить впечатления. Волосы казались цвета спелого пшеничного зерна: блестящие и густые, они красивой волной очерчивали высокий лоб. Черты лица его были не крупными, но обрисованными с удивительной, словно живописной тонкостью: прямой нос, чудесный изгиб губ, твердый подбородок, смягченный маленькой ямочкой. Это лицо, как туманом, было окутано скорбью и благородством. Глубокие синие глаза смотрели в зал. «Какой чистый взгляд!» – успела подумать девушка, и тут их взгляды встретились...

Продолжали выступать свидетели обвинения. Городовой подтвердил, что именно в беседке госпожи Савичевой нашел книгу автора Якоба Беме, а в ней записку, адресованную Кокуль-Яснобранскому. Из протокола допроса зачитали место, где подсудимый отказывался объяснить содержание записки и назвать ее автора. «К расследуемому делу это не имеет никакого отношения», – заявил он. Но то, что и записка, и книга принадлежат ему, – подтвердил.

Пристав рассказал о том, как в ванной комнате убитой им и начальником уездной полиции господином Макаровым был найден платок с монограммой Юлиана Кокуль-Яснобранского, а также комочки земли с примесью травы и грязное полотенце...

В двухчасовой обеденный перерыв публика почти не расходилась. Расторопные торговцы и лоточники разбили в сквере у здания суда импровизированную закусочную под открытым небом. Столы, прилавки, лотки заставили самоварами, подносами с пирогами, кулебяками, блинами и коржиками, горячими колбасками и копчеными куриными ножками. Важные господа с удовольствием потребляли всю эту разнообразную снедь и охотно закусывали. Повод, собравший всех здесь, был трагическим, но атмосфера, как ни странно, царила приподнятая, чуть ли не праздничная.

Ираида Артемьевна Кондратьева сидела на скамеечке с подругой, женой известного в городе частного доктора, обе женщины закусывали блинчиками. Как и многие вокруг, они говорили о преступлениях – это было так естественно после всего услышанного в зале.

– Муж только что вернулся из Лондона, – рассказывала госпожа Панина. – Говорит, тамошние газеты пишут об исчезновении одной актрисы. Мне кажется, я даже видела ее два года назад, там же, в Лондоне, в одном спектакле. Бель-Эльмор, очень симпатичная. По-настоящему ее зовут как-то по-другому, но я не запомнила.

– Кора Криппен, – вставил стоящий рядом издатель Селецкий, только что дожевывавший свой пирожок и запивший его чаем.

– Да-да, именно так! – воскликнула Панина. – Вы, Петр Трофимович, знаете эту историю?

Селецкий слегка обиженно пожал плечами, а Кондратьева рассмеялась.

– Ну конечно, Петр Трофимович знает все, о чем пишет мировая пресса. Это его обязанность. Ну, расскажите же мне эту историю, я же ничего не знаю! Актриску тоже убили, как нашу Любочку?

– Это неизвестно. Она пропала еще зимой, а ее товарищи-артисты подозревают ее мужа. Он на их расспросы сначала ничего не отвечал, а сам со своей молоденькой секретаршей веселился. А главное, Ираидочка, что эта секретарша повсюду появляется в мехах и драгоценностях Бель-Эльмор!

– Какая наглость! Но где же все-таки артистка? Почему полиция не спросит мужа?

– А он в конце концов заявил, что она якобы уехала к родственникам в Калифорнию, заболела и умерла в Лос-Анджелесе. Да только я в это не верю! Чует мое сердце – этот негодяй влюбился в секретаршу, а жену убил!

Издатель Селецкий саркастически усмехнулся:

– У вас, госпожа Панина, буйная фантазия, вы уж меня извините! Этот, по вашему выражению, «негодяй» – respectable человек, дипломированный врач американской медицинской фирмы «Муньонз Ремедиз». Ему пятьдесят лет, он уже восемнадцать лет женат на



этой артистке, потакал всем ее прихотям, оплачивал ее уроки пения и даже переехал из Нью-Йорка в Лондон, потому что она считала, что там сделать артистическую карьеру легче.

– Петр Трофимович, миленький! – Кондратьева всплеснула руками. – Я вижу, вы и вправду все знаете. Значит, доктор не убивал свою жену? Она умерла в Америке?

– Буквально в сегодняшних газетах об этом вновь писали, – кивнул довольный Селецкий. – Вчера инспектор Скотленд-Ярда его подробно расспрашивал, и доктор Криппен признался. Жена последнее время им пренебрегала, завела целую свиту поклонников – она ведь еще молода, тридцать пять лет, хороша собой. Но он все это терпел. А потом просто-напросто сбежала с одним преуспевающим американцем. Историю о ее смерти Криппен придумал, чтоб не прослыть посмешищем, брошенным мужем. Попросту рогоносцем. – Голос у Селецкого был сочувственный. Он повернулся к Паниной, развел руками: – Так что, Наина Семеновна, этот врач из Лондона вовсе не злодей, а жертва.

Но Панина упрямо покачала головой.

– Да уж, такая же жертва, как и этот... аспид! – махнула рукой на здание суда. – Сидит милый, тихий, словно ангел...

Подошел полковник Кондратьев, позвал жену.

– Пойдем, дорогая, пора в зал. А где же Наденька?

Ираида Артемьевна порхнула к мужу, оперлась на руку.

– Знаешь, она почему-то не захотела выходить из зала. Сказала: «Там будет шумно, суета, посижу здесь, в тишине».

– Не напрасно ли мы взяли ее с собой? – озабоченно посетовал Кондратьев. – Все-таки тяжелое зрелище, а она такая впечатлительная...

Для защиты подсудимого оставалось совсем мало возможностей. Адвокат попробовал обратить внимание присяжных на то, что убитая была совершенно одна в большом доме: ни слуг, ни садовника, ни конюха. На воскресенье Савичева всех отпустила по домам. Не странно ли? Возможно, убитая все же кого-то ждала?

Однако посеять сомнения у присяжных защитнику не удалось. Из зала тотчас поднялся Аркадий Петрович Матвеев и попросил еще раз вызвать его свидетелем. И рассказал, что после праздника у Кондратьевых Савичева поначалу собиралась ехать в свой городской дом. Все вместе – с ним и мировым судьей – тронулись было туда. Но вскоре, уже по пути, она передумала. Сказала: «Хочу покоя, простора!» И еще пошутила: «Не откажутся ли кавалеры от такой далекой поездки?»

Сразу стало ясно, что Любовь Лаврентьевна отпустила слуг, не собираясь возвращаться на «дачу». И только собственный каприз, прихоть привели ее туда. Роковая прихоть!..

Теперь защитнику оставалось строить защиту только на фактах биографии подсудимого. То есть постараться вызвать у присяжных жалость и сочувствие к молодому человеку и тем самым смягчить тяжесть наказания. И он стал красочно расписывать детство «брошенного ребенка» богатых родителей. С девяти лет Юлиан был предоставлен сам себе! Сначала разошедшиеся родители определили сына в закрытый пансион, где он провел несколько лет. И даже на каникулы ездил к родственникам, а не к родителям. Потом он какое-то время жил у тетки с дядей, а с семнадцати лет – совершенно самостоятельно. С матерью изредка виделся, с отцом – никогда. Учился, постигал науки, искал себя...

Напоследок защитник вызвал на место свидетеля даже деда Богдана, о котором Юлик упомянул и которого он не поленился разыскать. На потеху всему залу, дед, нисколько не смущаясь, живо и бодро поведал, «який гарный хлопец цей Юлиан». И как интересно рассказывал им с бабкой о знаменитых путешественниках: «Про того Кука, що дикари зылы, та про того, який згынув у Африци». Под конец дед громко заявил:

– Хай йому грець! Не вірю, що він убив тую жінку!

У Юлика на глаза навернулись слезы. Наверное, в этом зале только дед Богдан и не верил в его виновность. Да еще, как ни странно, показалось ему, что одна девушка из второго ряда тоже не верит.

После того как первый раз, случайно, он встретился с ней взглядом, его вновь и вновь, словно магнитом, тянуло посмотреть на нее. Она была совсем юной и необычайно милой. Темно-русые волосы, приподнятые у висков, дальше вольно падали на плечи. Серые глаза были печальны и нежны. Когда начался перерыв и его выводили в дверь за судейской кафедрой, Юлик видел, что она осталась на своем месте и смотрит ему вслед. Он сидел под охраной в первой же комнате, ему принесли поесть. Потом он попросил разрешения покурить и стал у открытого зарешеченного окна. Пока курил, дверь в зал дважды открывалась, пропуская судейских, и тогда он видел эту девушку, все так же сидевшую почти в совершенно пустом зале. Именно в те минуты, глядя на нее, Юлик решил окончательно и твердо: что бы с ним ни случилось, какой бы приговор ему ни вынесли, он никогда не признается в двух вещах. В том, что пытался ограбить дом своих родственников князей Голицыных. И в том, что убегал из дома убитой Савичевой дважды. То есть что, убежав один раз, вновь вернулся туда... чтобы снять драгоценности с мертвой. Он еще на допросе вынужден был согласиться: да, мысль о драгоценностях у него появилась, вот только сделать задуманное он не смог. Не потому, что спугнули, – из моральных соображений. Но кто же поверит в его моральные принципы, коль выяснится, что он второй раз возвращался в дом! Хотя... ему все равно не поверили. Но про возвращение он не признается, даже если бы это смягчило приговор. Подобный позор страшнее любого наказания!

Перед вынесением приговора его спросили: признает ли он себя виновным? Ведь до сих пор он отвечал только «нет». Юлик долго стоял молча, потом сказал тихо:

– Не знаю...

И сел.

По залу пронеслась волна недоуменного глухого ропота. Молодой человек изо всех сил старался не смотреть на девушку во втором ряду. Потому, наверное, и наткнулся взглядом на исправника Макарова, сидевшего в первом ряду. Начальник полиции был с ним всегда жесток и холоден. Теперь же Юлик увидел другого человека. В глазах у него стояло сочувствие. Какая-то странная задумчивость и даже растерянность. В какой-то миг Макаров даже покачал головой, словно бы недоумевая или удивляясь себе...

Присяжные совещались недолго. И вердикт прозвучал: «Виновен!» Зал одобрительно загудел и продолжал шуметь, ожидая решения суда. А потом в наступившей тишине приговор был произнесен:

– Лишить всех прав состояния, сослать в каторжные работы сроком на пятнадцать лет с последующим поселением...

Юлиана увезли в тюремную камеру. Там он должен был дожидаться следующего дня. А потом за ним приедут и увезут в харьковскую тюрьму. Но ненадолго: скоро его ждет далекий и тяжелый этап.

## 7

Юлика сильно знобило. Последние дни погода испортилась – дули холодные ветры, гнали тучи, хотя дождей еще не было. Каменное одноэтажное здание – пристройка к полицейскому управлению – в жару хорошо прогревалось. Но стоило чуть похолодать, и оно тут же выстывало. Но молодого арестанта била неумная дрожь не только от этого. До сегодняшнего дня он все бодрился. Да, временами накатывал страх – особенно после допросов исправника Макарова. Страх от предположения неотвратимой беды. Однако он говорил себе: «Ерунда, все неправда, все выяснится! Уж суд-то разберется...»

Теперь же он сидел в камере, подняв плечи, натянув чуть ли не на голову куртку. Зубы стучали. От холода, казалось, останавливается сердце. Он ни о чем не думал, совершенно ни о чем. Все дни, которые он провел в этой камере, были заполнены бесконечными размышлениями: что же произошло на самом деле, почему, какова степень его вины, или все совершенно случайно?.. Можно ли было этого избежать, сделать что-то по-другому, выбрать иной вариант поведения?.. Как мучительно было думать о том, что, выйдя к городу чуть-чуть с другой стороны, он не попал бы во двор к Савичевой! Какие диалоги он мысленно вел со следователем, какие неотразимые аргументы в свою пользу находил! Иногда так увлекался, что начинал говорить вслух, размахивая руками, и только тогда спохватывался... А еще он мысленно разговаривал с матерью... и с отцом. После этих его вдохновенных монологов они спешили к нему на помощь, приводили в трепет здешнее местечковое начальство, доходили до самых верхов, до государя императора!.. Ах, какими сладкими иногда казались ему собственные фантазии! И однажды Юлик поймал себя на мысли: а ведь ни разу он не представил, что ему на помощь спешит великий магистр Дидиков – во всем своем мистическом могуществе! Почему же? – спросил себя молодой человек. И пожал плечами, прекрасно осознавая, что вера его в потусторонние силы почти сошла на нет. А вот вера в мудрый и справедливый суд росла с каждым днем приближения этого суда. Ничего иного ему и не оставалось.

И вот суд состоялся. И не осталось никаких надежд, упований. Никаких мыслей. Только дрожь от холода.

На столе перед ним стояли миски с едой, кружка с чаем. Ужин принесли совсем недавно, он был еще теплым. Но Юлику не просто не хотелось есть: ему даже мысли такой не приходило. Наверное, он просто не заметил, когда конвоир занес и поставил еду на стол, не услышал, что тот говорит... Хотя кормили здесь хорошо. В первые дни ареста он даже пошутил:

– Может, я не заключенный, а гость, с которым не хотят расставаться? Или здесь всех преступников так обхаживают?

У него и камера была особенная – уютная, если можно так выразиться. Не нары, а железная кровать, мягкий новый матрас и подушка, чистое белье. Стол со стулом, в нише за занавеской – полочка для вещей. И даже – коврик на полу: старый, конечно, вытертый, и все же... Но, конечно, особенно хорошо было питание.

На его реплику дежурный городской ответил, что еду ему приносят из ближайшего ресторана по особому распоряжению исправника Макарова.

– Другие, которые арестованные, известно, кормятся за казенный счет, как положено. А для вас особое распоряжение вышло.

Когда же на очередном допросе Юлик шутливо-изысканно попробовал поблагодарить исправника, тот сухо усмехнулся:

– Это дань вашему происхождению. Многие именитые горожане были дружны с вашими родителями, уважают их. Их, но отнюдь не вас!

Теперь ресторанный порция бефстроганова, салат, кусок яблочной шарлотки и чай стояли нетронутыми.

В коридоре за дверью раздался какой-то шум, лязг, охранник засуетился, послышался его быстрый говор. Потом откинулась небольшая ставня, прикрывающая зарешеченное окошко в двери. Смотревший несколько секунд разглядывал неподвижного, ни на что не реагирующего Юлика, потом приказал охраннику открыть камеру. Только тогда молодой человек вздрогнул и поднял взгляд. На пороге стоял начальник полиции, исправник Макаров. Он смотрел на Юлика со странным выражением участливости. Медленно, словно приходя в сознание, молодой человек одернул куртку, непослушными пальцами стал застегивать пуговицы. «Добился своего и пришел пожалеть...» – мелькнула мысль. И словно раздвинула вязкое безмолвное небытие, в котором он пребывал. Возродилось ощущение жизни, реальности, а вместе с ними воскресли злость и гордость. Нет, нет, именно этот служака, так ретиво доказывающий его вину, не увидит молодого Кокуль-Яснобранского опустившимся, напуганным до смерти слизняком! Пусть никто не забывает, что он, Юлик, – из старинного именитого рода! И это только по материнской линии. А если вспомнить отца – там тоже княжеская кровь! Кто по сравнению с ним этот исправник? Самое большее – мелкопоместный дворянчик, которому только и остается, что делать карьеру по охранному ведомству!

Макаров стоял молча, чуть склонив голову. Его темные, всегда такие пронзительные глаза смотрели с непонятым выражением. Он словно хотел о чем-то спросить, но не решался. Но вот он быстро повернулся к двери.

– Зыкин, – бросил стоящему за его спиной городовому, – пойди отдохни. Я переговорю с заключенным.

Охранник вышел, плотно прикрыв дверь, но не заперев. Макаров подошел к Юлику почти вплотную, сел на стул прямо напротив.

– Послушайте, Яснобранский, – начал он было.

– Кокуль-Яснобранский! – резко перебил его Юлик. – Не забываетесь! Убийцей вы меня сделать сумели, но вот фамилию отобрать не в вашей власти!

Он вдруг понял, что уже не дрожит и совсем не мерзнет. И даже испытывает радость, видя растерянность и смущение исправника.

– Хорошо, хорошо! – Макаров примирительно махнул рукой. – Прошу простить. Но я и пришел поговорить как раз об этом. – И, уловив недоумение на лице Юлика, пояснил: – О том, что я сделал вас убийцей. И о том, что от меня зависит.

Он помолчал, видимо ожидая вопросов, но его собеседник тоже молчал. Тогда Макаров вновь заговорил сам:

– Скажите, Юлиан, почему вы так странно ответили на вопрос судьи? «Не знаю...» Я ждал, что вы будете все отрицать – как обычно. Или уж признаетесь – деваться-то некуда. Почему?

Настороженная напряженность вдруг покинула Юлика. Словно сжатая до упора пружина нервов не распрямилась со звоном, а, тихо звякнув, просто ослабла. Он криво усмехнулся – уже не зло, а утомленно.

– Не знаю... просто не знаю, почему так ответил. Нашло что-то. Устал до того, что уже не хотелось сопротивляться, доказывать... Вам не понять!

– Этого, может, и не понять. Но вот другое... Скажу откровенно: я стал сомневаться в вашей виновности.

Юлик долго молчал, потом пожал плечами:

– И что это значит?

– Вот уже несколько дней я все думаю: ведь ни одной прямой улики против вас нет, одни только косвенные. А вдруг то, что вы говорите, – правда? И все улики – роковые совпадения?

– Почему же это не пришло вам в голову раньше? До суда?

– Приходило, признаюсь вам откровенно. Но я гнал эти мысли прочь. Моя семья и семья Савичевых очень дружили, я вам об этом уже говорил. Вот и хотелось поскорее найти убийцу,

изобличить, засудить, пустить по этапу! А вы... Поначалу, когда еще так невозможно было представить... Любовь Лаврентьевну мертвой, когда гнев разрывал сердце, а все указывало на вас, я вас ненавидел. И потом, когда уже вел дело, совершенно не сомневался в вашей виновности.

Пока Макаров говорил – так искренне и как бы даже поэтично, – на Юлика вновь накатил апатия. Глаза потухли, плечи опустились, руки расслабленно легли на колени. «Хорошо ему каяться, когда уже ничего нельзя исправить». Он упустил несколько фраз исправника, но вдруг встрепенулся. Тот говорил:

– А перед самым судом жена открыла мне тайну... Они с Савичевой были близкими подругами. И Любочка не так давно призналась моей жене, что у нее есть мужчина... Близкий друг. Однако кто это, она сказать не захотела, ни за что! А это, как я себе представляю, значит, что он или известная в городе личность, или человек несвободный, женатый. Возможно, то и другое разом.

Юлик пожал плечами:

– Это как-то может меня оправдать?

– Подождите! – нетерпеливо оборвал его Макаров. – Она, то есть покойная, оказывается, и переехала в свой уединенный дом, чтоб там с ним встречаться. При этом всегда старалась отослать слуг! Улавливаете? В тот вечер слуг тоже не было в доме!

– Значит, тот человек мог прийти к ней...

– Вот именно! А еще Савичева говорила Вере – это моя жена, – что не хочет больше скрывать их отношений. Или огласка, или полный разрыв. А ее тайный друг не соглашался ни на то, ни на другое. И они сильно ссорились последнее время.

– Это все вам рассказала жена еще до суда?

Макаров тяжело вздохнул и кивнул:

– Да, именно до суда. Но ведь это все совершенно бездоказательно! Слухи о том, что у Савичевой есть любовник, по городу ходили уже давно. Скажи я об этом – никого бы не удивил, ничего бы не изменил в следствии.

– Нет! – Юлик вскочил и возбужденно заходил по камере. – Кое-что могло бы измениться! Присяжные приняли бы во внимание вероятность другого, неизвестного преступника!

– И что? – усмехнулся исправник. – Вынесли бы вердикт «Невиновен»? Уверю вас, этого бы не случилось. Дольше бы совещались, кто-то бы высказал сомнения, но потом все бы сошлись на том, что слухи о любовнике – всего лишь слухи, а убийца – вот он, пойман, изобличен.

– Что же это за присяжные такие, если их решение можно вот так предсказать!

– Обычные люди, не хуже и не лучше других.

Макаров сидел на стуле, положив ногу на ногу, сочувственно смотрел на мечущегося по камере молодого человека. Но вот Юлик остановился, вновь опустился на заскрипевшую кровать.

– Да ладно, – сказал вмиг севшим, уставшим голосом. – Скажите прямо, что просто побоялись выставить себя в неприглядном виде. Так быстро и браво арестовали убийцу, а он, может быть, вовсе и не убийца!

Он поднял взгляд и пристально, не моргая, посмотрел в глаза исправнику. Макаров тоже не отвел взгляда. Его карие глаза казались почти черными – бездонными, непроницаемыми, спокойными. После долгой паузы он ответил:

– Это правда. Я дорожу репутацией хорошего следователя. И потом... я ведь всего лишь стал сомневаться. Уверенности в вашей невинности у меня нет.

Вдруг, совершенно неожиданно, начальник полиции наклонился и крепко взял арестанта за запястье. Спросил быстро совершенно иным, взволнованным и даже дрогнувшим голосом:

– Скажите, Юлиан... Скажите мне честно – ведь это уже ни на что не повлияет... Вы убили Савичеву? Или нет?

Все мускулы его лица напряглись, глаза смотрели так, словно этот ответ был ему очень важен.

– Нет! Нет! Нет! – Юлик выдернул руку и откинулся, прислонившись спиной к стене. Его тихий голос по интонациям был похож на крик. – Ни этой женщины, никого другого я не убивал!

– Вот и хорошо! – Теперь Макаров вскочил на ноги и прошелся по камере. – Я верю вам, а это для меня главное. Потому что теперь я смогу сделать то, что решил. Я помогу вам бежать.

И, не давая Юлику опомниться, он сел рядом с ним и вновь крепко сжал запястье. Сказал жестко, но совсем не так, как на допросах: теперь это был голос старшего друга, предостерегающего неразумного юнца:

– Посидите смирно и послушайте меня. Не прерывайте... Да, я полицейский до мозга костей и горжусь этим. И я человек, обладающий совестью, – одно вовсе не исключает другое. Скорее наоборот: хороший полицейский почти всегда человек принципов и морали. Прекрасно понимаю, что именно я сыграл главную роль в вашем аресте. А значит, если вы осуждены безвинно, – и ответ нести мне. Перед самим собой. Даже если никто о том не будет догадываться, как я смогу жить с такой тяжестью на душе?

Юлиан молчал, совершенно сбитый с толку. «Я помогу вам бежать»! Это что – шутка? Но каждая фраза Макарова, четкая, ясная, словно убирала пелену с его затуманенного разума.

– И потом, – продолжал исправник, – я ведь знаю, что вас ждет. Повезло вам, конечно, – могли бы и приговорить. Но каторга... Вы не то что пятнад-цать – и двух лет не протянете! Я вас, Юлиан, неплохо узнал за время нашего вынужденного общения. – Он скупое усмехнулся. – Вы человек очень нежной и впечатлительной душевной конструкции. На каторге волчи законы, и не столько от охраны, сколько от самих каторжан. Такие, как вы, там не выживают. Или теряют человеческий облик... Да! И как же мне жить дальше, зная о том, что отправил вас на гибель? Невинного, да еще человека благородного происхождения, сына столь уважаемых людей! Я не смогу об этом забыть и в конце концов сам себя изведу!

Они молчали, сидя рядом. Может быть, Макаров думал, что Юлик что-нибудь скажет, спросит. Но тот был ошеломлен. И тогда исправник добавил тихо:

– Нет, я не могу позволить сам себе поломать жизнь. А ведь поломаю – совесть замучает! Вот и решил: бежать – это лучший выход и для вас, и для меня.

– Да как же это сделать? – наконец-то пришел в себя Юлик. – Вы что же, выведете меня отсюда?

Макаров засмеялся, и это сразу разрядило обстановку.

– Нет, мой друг! Я все-таки своей карьерой дорожу, и очень. Никто не должен догадаться о моем участии в этом деле. Но я все продумал, сейчас расскажу.

Он взял со стола миску с едой, кружку с чаем, подошел к двери и толкнул ее ногой. Подскочил охранник и тут же вытянулся перед ним.

– Зыкин, ты раскошегарил уже свою печку? Вот и хорошо. Возьми, подогрей еду, заключенный поест.

Потом снова плотно прикрыл дверь, сел рядом с Юликом и обнял его за плечи.

– Свой побег вы, Кокуль-Яснобранский, организуете сами. Решетка на окне не слишком прочная. Рукой, конечно, не выломать, но я принес ножовку. Вот она.

Макаров быстро распахнул китель и показал укрепленную под мышкой небольшую пилочку в раме.

– Она очень острая. Перепилите сверху пару прутьев и отогнете. Думаю, сил у вас хватит. Если нет – перепилите еще и внизу. Ножовку обязательно заберете с собой.

– Даже если заберу... Вон, охранник скажет, что у меня были только вы. Значит, и инструмент могли передать вы. Как с этим?

– Меня в подобном пособничестве никто никогда не заподозрит! Скорее всего, следствие решит, что у вас в городе нашелся пособник или друг, он-то и перепилил решетку извне... Это я беру на себя. Главное, чтоб вы решились.

– А как же охранник? Разве он не услышит?

У Юлика уже горели глаза, он нервно сплетал и расплетал пальцы.

– Не услышит, об этом я позабочусь.

Макаров вдруг тихо засмеялся, оглянувшись на дверь.

– Я сегодня специально поставил Зыкина. У нас все знают, что он настоящий педант – все делает исключительно в определенное время. Сегодня это будет как раз очень кстати. Через час после полуночи он сядет попить чайку и перекусить – он всегда так делает. Я устрою так, что после еды он крепко заснет, до самого утра. И никак не сможет вам помешать.

– Хорошо! – Юлик усилием воли заставил себя успокоиться и рассуждать здраво. – Выпилю я решетку, убегу... Даже если ваш Зыкин хватится меня только утром, далеко уйти мне не дадут. Обложат, схватят. Вы думаете, не сумеют выпытать, как, каким образом я смог убежать? С чьей помощью?

– Вы логично рассуждаете! – Макаров засмеялся. – Однако помолчим...

В дверь постучали, вошел городской с миской и дымящимся чаем. Увидел отрешенно сидящего заключенного и прохаживающегося по камере исправника.

– Поставьте на стол, – кивнул тот. – Ешьте, Кокуль-Яснобранский, набирайтесь сил. Завтра вам в долгий путь...

Когда за Зыкиным вновь закрылась дверь, Макаров вернулся к разговору.

– Да, вы правы – я должен остаться вне всяких подозрений. Только так ваш побег сможет быть успешным. И сейчас вы поймете почему... Вы будете скрываться у меня дома!

– Это и вправду неожиданно! – Юлиан вскочил на ноги. – Как же так, объясните?

– Да вы и сами только что все объяснили, Юлиан! Зачем же организовывать побег так, чтобы вас поймали и меня изобличили? Я был бы последним глупцом! Пусть вас ищут везде, где только можно! А мой дом – то место, где искать никто не станет. Вы спокойно поживете там, дождетесь, пока утихнет шум и азарт поиска, а потом легко и незаметно покинете город... Вам есть где спрятаться после?

– Есть, – ответил Юлик, сразу подумав о мэтре Дидикове. Тот его, конечно же, не выдаст, сумеет укрыть среди своих многочисленных приверженцев. А потом он проберется за границу, к матери... Но, бог мой, правда ли все, что он сейчас слышит?

– Зачем вы все это делаете? – Юлик осторожно повернулся к Макарову. – Побег, укрытие в вашем доме... зачем вам это нужно?

– Вы не поверили мне? – Макаров покачал головой. – Я ведь сказал: совесть не даст мне жить спокойно, изведет. И еще... Если вы сумеете укрыться как следует, через некоторое время я, возможно, вообще сниму с вас обвинение... Если убийца не вы, значит, тот негодяй ходит на свободе, жирует и смеется над нами! Надо мной! Эта мысль уже мучает меня, изводит. Я возобновлю следствие, пусть даже и негласно, найду того, кто убил Савичеву! Тогда и вы сможете жить спокойно, открыто.

Наступила долгая пауза. Вдруг Юлик сказал решительно, почти весело:

– Давайте ножовку!

Быстро взял инструмент и спрятал его под подушку.

– Рассказывайте, как я найду ваш дом?

– Молодец! С таким настроением у тебя все получится! – Макаров незаметно перешел на «ты», и Юлик воспринял это как должное. – Ты ведь с нашим городом немного знаком? Отсюда, от этого здания, видна Никольская церковь...

– Знаю!

– Обойди ее слева, сразу начнется широкая улица – каштановая аллея. Третий дом, тоже по левой руке, будет мой. Узнаешь его по воротам: каменные беленые столбики и решетка с вот такими коваными вензелями...

Макаров достал карандаш и листок бумаги, быстро набросал рисунок.

– Запомнил?

И когда Юлик кивнул, смял листочек и сунул себе в карман.

– Ворота я оставлю незапертыми, двери в дом – тоже. Слуги у нас приходящие, не ночуют.

– А... ваша жена?

– Моя жена – моя единомышленница. – Голос у Макарова потеплел, уголки губ тронула легкая улыбка. – Ведь именно она заставила меня по-настоящему усомниться в вашей виновности. И поддержала мой план. От нее у меня секретов нет.

– Если так, что ж... я вам очень благодарен. Дай бог, чтобы все получилось!

– Получится! Давай прикинем по времени... Значит, в час ночи Зыкин поест и минут через пятнадцать-двадцать заснет. Подожди немного, чтобы заснул крепче, проверь – постучи в дверь. Когда убедишься, что все спокойно, начинай пилить. За час, думаю, справишься. И сразу – ко мне! Не торопись, пробирайся осторожно. Я со своей стороны постараюсь, чтобы в это время на этих улицах не было городских. А горожане у нас по ночам не гуляют – провинция... Вот и получается, что ты будешь у меня часа в три или около того.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.